



ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ



2022 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 4 № 2

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 4 № 2



Этническая культура

Международный научный журнал

Том 4, № 2 | 2022

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Этнография, этнология и антропология
- Языки народов мира
- Этнокультурные проблемы образования
- Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

АРЕСТОВА ВЕРОНИКА ЮРЬЕВНА

канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

ПЕРЕВОДЧИК:

Ларионова Дарья Ивановна

КОРРЕКТОР:

Миронова Людмила Сергеевна

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Миронова Людмила Сергеевна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета (Кыргызстан)

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Ульянова (Казахстан)

Иноятов Сулейман Иноятович, д-р ист. наук, профессор кафедры национальной идеологии, основ духовности и правового воспитания Бухарского государственного университета (Узбекистан)

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой «Второй иностранный язык и методика обучения иностранным языкам» Педагогического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Россия)

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь)

Масанори Гото (Masanori Goto), д-р гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета (Япония)

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия)

Соколов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана (Туркменистан)

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Брестского государственного технического университета (Беларусь)

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана (Узбекистан)

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета (Таджикистан)

Яниголю Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Комратского государственного университета (Молдова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, зав. кафедрой отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного университета им. И. Я. Яковлева

Бразина Дария Григорьевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия)

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, доцент кафедры теории, истории искусств, музыкального образования и исполнительства Чувашского государственного института культуры и искусств

Годובהва Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева – КАИ

Джунгузов Степан Викторович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева

Китинова Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института Востоковедения Российской академии наук

Кучаева Мария Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русистики Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Темержокова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы Горно-Алтайского государственного университета

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольной и социальной педагогики Марийского государственного университета

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Эльбиздукаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора Музея Чеченской Республики, зав. отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

Юсупова Альфия Шаветковна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и психологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета

Язфова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, зав. кафедрой философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10388
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Подписной индекс	В объединенном каталоге «Пресса России» – 85756.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага мелованная. Формат 60×84 ¼. Усл. печ. л. 5,58. Заказ К-1000. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	29.06.2022
Дата выхода в свет	30.06.2022

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 4 No. 2 | 2022

"Ethnic Culture" is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

- Ethnography, Ethnology and Anthropology
- Languages of the Nations of the World
- Ethno-Cultural Problems of Education
- Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philosophic sciences, associate professor, rector of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation
Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

TRANSLATOR:

Darya I. Larionova

PROOF-READER:

Lyudmila S. Mironova

COMPUTER LAYOUT:

Lyudmila S. Mironova

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko, doctor of historical sciences, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University (Kyrgyzstan)
Evgeniya A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics of the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan)
Suleiman I. Inoyatov, doctor of historical sciences, professor of the department of national ideology, fundamentals of spirituality and legal education of Bukhara State University (Uzbekistan)
Vera V. Koroleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages" of the Pedagogical Institute of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov (Russia)
Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of the department of cultural studies of the Belarusian State University of Culture and Arts (Belarus)
Masanori Goto, doctor of humanitarian sciences of Osaka University, 2003; professor, research scientist of the Center for Slavic studies of Hokkaido University (Japan)
Anton K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, leading research fellow of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia)
Soegov Muradgeldi, doctor of philological sciences, professor, full member-academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, non-staff scientific consultant of the Institute of Language, Literature and National Manuscripts named after Makhtumkuli of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Turkmenistan)
Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University (Belarus)
Marfua A. Khamidova, doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training of the State Conservatory of Uzbekistan (Uzbekistan)
Sharifov Rakhmonali Yatimovich, doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University (Tajikistan)
Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogical sciences, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the I.S. Turgenev Oryol State University
Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and general history of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
Daria G. Bragina, doctor of historical sciences, principal research fellow of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)
Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, associate professor of the department of theory, art history, music education and performance of the Chuvash State Institute of Culture and Arts
Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University
Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management of Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev
Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian history of Orenburg State Pedagogical University
Alyona M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash philology and journalism of the I.N. Ulyanov Chuvash State University
Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education of the Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev
Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of oriental history of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Marina V. Kutsayeva, candidate of philological sciences, research scientist of the Ural-Altai languages department of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Natalia M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication of the National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev
Arkady B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of pedagogy of B.B. Gorodovikov Kalmyk State University
Dmitry A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian studies of the Moscow Automobile and Road State Technical University
Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
Klavdia I. Sultanbayeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education of N.F. Katanov Khakass State University
Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogy, psychology and social work of the Gorno-Altai State University
Svetlana N. Fedorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and social pedagogy of Mari State University
Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines of the Chuvash State Institute of Culture and Arts
Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus department of the order of friendship of peoples of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences
Tamara U. Elbuzdukayeva, doctor of historical sciences, first deputy general director of the Museum of the Chechen Republic, head of the department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic
Alfiya Sh. Yusupova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of general linguistics and Turkology of the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University
Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture of Samara State Socio-Pedagogical University

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФЦ77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10388
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
The subscription index	In the merged catalog "Russian Press" — 85756.
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Coated paper. Format 60×84 1/8. Conditional printed pages 5,58. Order K-1000. Circulation 100 copies.
Signed in the print	29 June 2022
Date of publication	30 June 2022

Designed for children over 16 years old

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	5
-------------------	---

Этнография, этнология и антропология

<i>Егорова О. Н.</i> Этнографические записки Н. В. Никольского о чувашах селения Апанасово-Темяши.....	6
<i>Иванова Е. К.</i> Библиотечное дело в Чувашии 20-х годов XX века.....	13
<i>Мукушева Н. Р.</i> Отражение исторического времени в казахском документальном кино.....	17
<i>Нагорнова Е. С.</i> Национальные автономии народов Средней Азии в Поволжье: история создания и проблемы развития ...	21
<i>Обидина Ю. С.</i> Судьба «традиции» в современном мире: сравнительный анализ концепций Э. Хобсбаума и Ш. Эйзенштадта.....	26
<i>Рахими Д. К.</i> Наступление нового года по народным календарям таджиков.....	30
<i>Сергеев Т. С.</i> Книжная палата Чувашской Республики – хранительница письменности и этнокультуры народа.....	34

Языки народов мира

<i>Васильева С. Н., Гордеева А. В.</i> Художественный перевод на английский язык стихотворения Петра Хузангая «Поэт»	40
--	----

Этнокультурные проблемы образования

<i>Польнская И. Н.</i> Традиционные обряды народов ханты и манси в профессиональной подготовке будущих учителей изобразительного искусства.....	44
---	----

From the editor-in-chief.....	5
-------------------------------	---

Ethnography, Ethnology and Anthropology

<i>Olga N. Egorova.</i> Ethnographic Notes of N. V. Nikolsky on the Chuvash People of the Village of Apanasovo-Temyashi.....	6
<i>Ekaterina K. Ivanova.</i> Library Management in Chuvashia in the 1920s	13
<i>Nazira R. Mukusheva.</i> Reflection of Historical Time in Kazakh Documentaries.....	17
<i>Elena S. Nagornova.</i> National Autonomies of the Peoples of Central Asia in the Volga Region: The History of Creation and Problems of Development.....	21
<i>Yulia S. Obidina.</i> The Destiny of “Tradition” in the Modern World: A Comparative Analysis of the Concepts of E. Hobsbawm and S. Eisenstadt	26
<i>Dilshod K. Rakhimi.</i> The Start of the New Year According to the National Calendars of the Tajiks	30
<i>Tikhon S. Sergeev.</i> The Book Chamber of the Chuvash Republic as the Custodian of the Writing and Ethnic Culture.....	34

Languages of the Nations of the World

<i>Svetlana N. Vasilyeva, Anna V. Gordeeva.</i> Literary Translation Into English of Peter Khuzangai’s Poem “The Poet”.....	40
---	----

Ethno-Cultural Problems of Education

<i>Irina N. Polynskaya.</i> Traditional Rites of the Khanty and Mansi Peoples in the Professional Training of Future Teachers of Visual Arts....	44
--	----

Дорогие авторы и читатели!



Мы искренне рады приветствовать вас на страницах нашего издания и предложить вашему вниманию очередной номер журнала «Этническая культура». В соответствии с Указом Президента России 2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России. Россия – огромная многонациональная страна, в которой каждый народ уникален и в то же время органично встроены в полиэтничное пространство. Примечательно, что каждый регион России является многонациональным и имеет добрые традиции мирного сосуществования. Журнал «Этническая культура» поддерживает интерес научного сообщества к различным проблемам изучения этнических культур и продолжает публиковать материалы современных исследований, в которых рассматриваются самые разные вопросы: место и роль этнических культур в истории человеческой цивилизации; механизмы образования этнокультурных традиций и методологические подходы к их изучению; различные компоненты культуры, выражающие ее этническую сущность; и в целом – удивительно богатый и сложный мир этнокультурных явлений и процессов.

Приглашаем всех авторов к продолжению сотрудничества, ждем интересных и актуальных статей. Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают коллегам, рецензентам, авторам и читателям крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов на поприще науки!

С искренними пожеланиями

Баскакова Н.И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

We are sincerely grateful to salute you on the pages of our publication and offer your attention another issue of the “Ethnic culture” journal. In accordance with the Russian Federation Presidential Decree the year of 2022 is announced to be the Year of the cultural heritage of the people of Russia. Russia is a vast multinational country in which one and every people is unique and at the same time embedded seamlessly in polyethnic space. It is notable that every region of Russia is multinational and possesses warm traditions of peaceful coexistence. The “Ethnic culture” journal supports the interest of scientific community in different topics of study of ethnic cultures and continues to publish materials of contemporary researches which address all kinds of questions: place and role of ethnic cultures in the history of humankind; mechanisms of constitution of ethnic and cultural traditions and methodological approaches to their analysis; different components of culture expressing its ethnic entity; and overall – extraordinary rich and complex world of ethnic and cultural events and processes.

We invite all the authors to continuation of our cooperation, we want interesting and relevant articles. The Editorial Board, the research team and the management of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish the new editorial board, authors, reviewers and readers good health, well-being and further creative success in the field of science!

With sincere wishes

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Этнографические записки Н. В. Никольского о чувашах селения Апанасово-Темяши

DOI 10.31483/r-101502

УДК 394

Егорова О. Н.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»,
Чебоксары, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0001-7206-4474>, e-mail: cheb31_kis@mail.ru

Резюме: Работа посвящена анализу этнографических записей доктора исторических наук профессора Н. В. Никольского о чувашах селения Апанасово-Темяши Яльчикского района Чувашской Республики, хранящихся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Материалы ученого являются ценными историческими источниками, описывающими общую картину повседневной жизни чувашской деревни рубежа XIX–XX столетий. Сбор этнографического материала осуществлялся ученым через включенное наблюдение в рамках предпринятой им экспедиции. Особый пласт в фонде Н. В. Никольского представляют чувашские народные песни, содержание которых свидетельствует о ценностных предпочтениях и интересах молодых людей того времени. Статья основана на анализе архивных документов в их взаимосвязи с историческими событиями в целом и биографией Н. В. Никольского в частности. Исследование ставит целью введение в научный оборот архивного материала, относящегося к указанному периоду, а также песенного материала, важного с точки зрения фольклористики. Этнографические материалы Н. В. Никольского представляются важными не только для потомков жителей Апанасово-Темяши: его деятельность по изучению истории, этнографии, фольклора и языка чувашей имеет общенациональное значение.

Ключевые слова: этнография чувашей, чувашское село на рубеже XIX–XX веков, чувашские песни.

Для цитирования: Егорова О. Н. Этнографические записки Н. В. Никольского о чувашах селения Апанасово-Темяши // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 6-12. DOI:10.31483/r-101502.

Research Article

Ethnographic Notes of N. V. Nikolsky on the Chuvash People of the Village of Apanasovo-Temyashi

Olga N. Egorova

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts",
Cheboksary, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0001-7206-4474>, e-mail: cheb31_kis@mail.ru

Abstract: The work is devoted to the analysis of ethnographic records of the doctor of historical sciences, professor N. V. Nikolsky about the Chuvashs of the village of Apanasovo-Temyashi, Yalchik district of the Chuvash Republic, stored in the scientific archive of the Chuvash State Institute of the Humanities. The materials of the scientist are valuable historical sources that describe the general picture of the everyday life of the Chuvash village at the turn of the 19th–20th centuries. The collection of ethnographic material was carried out by the researcher through participant observation as part of his expedition. A special layer in the fund of N. V. Nikolsky is represented by Chuvash folk songs, which reveal links with modern vocal culture. The work is based on the analysis of archival documents in their relationship with historical events in general and the biography of N. V. Nikolsky in particular. The study aims to introduce newly discovered documents into scientific circulation, as well as song material, which is important from the point of view of folklore. The ethnographic materials of N.V. Nikolsky are important not only for the descendants of the inhabitants of Apanasovo-Temyashi: his work in the study of the history, ethnography, folklore and language of the Chuvash is of national importance.

Keywords: Chuvash ethnography, Chuvash village at the turn of the 19th–20th centuries, Chuvash songs.

For citation: Egorova O. N. (2022). Ethnographic Notes of N. V. Nikolsky on the Chuvash People of the Village of Apanasovo-Temyashi. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 6-12. (in Russ.). DOI:10.31483/r-101502.

Введение

Н. В. Никольский (1878–1961) – ключевая фигура всего чувашеведения, чья научная деятельность в полной мере охватила историю, этнографию, фольклор и язык чувашского народа [Никольский, 2004–2009] (см. также: Димитриев, 2002; Димитриев, Матвеев 2009; Димитриев, Леонтьев, Матвеев, 2011). Его научные труды основываются на скрупулезном анализе фактического материала, собранного ученым в ходе экспедиций, им самим же инициированных. Согласно свидетельствам архивных документов, одна из научных поездок ученого в начале XX в. состоялась в селение Апанасово-Темяши (чув. *Элексей Тимеш*) современного Яльчикского района Чувашской Республики, где ему удалось собрать интереснейший этнографический материал.

Материалы и методы

В основу исследования положены документы из фонда Н. В. Никольского, хранящиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) и повествующие о жителях селения Апанасово-Темяши Тетюшского уезда Казанской губернии [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159]. Они были обнаружены автором в ходе работы над книгой «Возращение к истокам. Страницы истории деревни Апанасово-Темяши» [Егоров, Егорова, 2017].

Работа основана на анализе архивных документов в их взаимосвязи с историческими событиями рубежа XIX–XX столетий в целом и биографией самого ученого в частности. Исследование ставит целью введение в научный оборот архивного мате-

риала, относящегося к указанному периоду, а также песенного материала, важного с точки зрения фольклористики.

Результаты и их обсуждение

Выдающийся ученый, историк, этнограф и фольклорист Н. В. Никольский, начавший, еще будучи студентом Казанской духовной академии, собирать исторические, этнографические, фольклорные материалы, в августе 1904 г. более десяти дней провел в деревне Апанасово-Темяши Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикского района Чувашской Республики) и оставил интересные сведения о жизни крестьян деревни начала XX в. Эти рукописные записи [Отд. I. Ед. хр. 156. Инв. №4660] видного ученого, хранящиеся ныне в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, были обнаружены нами в ходе исследовательской работы над книгой «Возвращение к истокам. Страницы истории деревни Апанасово-Темяши», пятая глава которой посвящена как раз пребыванию Н. В. Никольского в деревне [Егоров, Егорова 2017, с. 86–100].

Как известно, в 1904 г. ученый опубликовал на русском языке «Программу для собирания сведений о чувашах», в которой просил присылать ему сведения исторические, географические и этнографические, записи произведений фольклора [Никольский, 1904]. Действительно, судя по записям, составленным в деревне Апанасово-Темяши, его интересовали и исторические, и географические, и этнографические сведения, а также фольклорные материалы.

Исследовательская работа по сбору этнографических материалов, по-видимому, представляла определенную трудность, так как местные жители, по признанию самого Н. В. Никольского, встретили его настороженно и с некоторым недоверием: «...Чуваши или стыдятся своего прошлого, или забыли о нем, как они сами говорят, только что-то очень мало и неохотно сообщают. Впрочем, может быть, они меня стесняются, так как многие меня считают за важного барина, некоторые даже за члена царской фамилии, а некоторые за японца. Вообще к моему приезду отнеслись недоверчиво» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 20].

Из записок Н. В. Никольского в первую очередь можно узнать о расположении деревни Апанасово-Темяши, численности и национальном составе ее жителей в 1904 г., другие историко-географические сведения: «В ней 90 домов с населением 232 души мужчин и 235 душ женского пола. От села Байглычево она стоит в 5 верстах и расположена правильными улицами по западному уклону отлогого холма. Возле деревни с западной стороны протекает речка, которая, впрочем, по местам превращается совсем в ручеек, называется она Большой Булой (*Аслă Пăла*).

В общем деревенька имеет вид довольно веселый и опрятный. Непосредственно за домами тянутся пышные хлеба, а на юго-западе блестит светлой извилистой полосой речка, по обеим сторонам которой расположены луга, дальше на западе виднеются покатые холмы и теряются где-то за горизонтом в голубой дымке. Де-

ревню эту, по рассказам старожил, основал какой-то приезжий чувашин Апанас. В настоящее время в Апанасово-Темяшах есть церковно-приходская школа, в которой обучаются до 30 мальчиков и 24 девочки. <...>

В Апанасово-Темяшах есть и русские, или скорее полурусские, так как, по рассказам старожил, они произошли от татарина, женатого на русской. Теперь их десять домов, а сначала был только один. Лицом они походят на русских с татарским оттенком и все прекрасно говорят по-русски, хотя все знают и чувашский язык не хуже чуваш. Чуваши же, хотя и походят на русских, но вид у них какой-то мученый, будто они месяца два ничего не ели. Кожа на лице медно-красная, и редко можно встретить чувашина со здоровым цветущим лицом, особенно из пожилых.

Что касается строения в этой местности, то оно ничем особенным не отличается от русских. Из 90 изб в Апанасово-Темяшах только три-четыре черные, а остальные построены по белому. Около избы двор с необходимыми службами для скота, причем у более состоятельных служб больше и двор устроен получше, а у бедняков часто торчит только избенка с сенами. Недостаток в необходимых жизненных принадлежностях заставляет некоторых уходить на заработки, а кто найдет на стороне возможность устроиться более безбедно, тот и совсем туда переселяется. Из Апанасово-Темяшей, например, выселилось более десяти семейств, причем переселенцы нашли пристанище – некоторые в Томской губернии, некоторые в Баку, а некоторые приютились служащими на железных дорогах. Некоторые по разным причинам возвращаются опять на родину, часто с русскими женами, причем являются сами обрусевшими и вносят обрусение в окружающую среду» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 6–10].

Этнограф отмечает, что «был разочарован, когда познакомился с местностью», что «рассчитывал увидеть заповедные рощи, с вековыми деревьями, в которых если не теперь, то прежде, производились языческие моления чуваш, думал, что эти рощи, во всяком случае, и теперь оберегаются как нечто священное, любимое.

Оказалось, совсем наоборот: непроходимая нужда заставила и этих любителей девственной природы обратить всё в пашни, местность приняла вид степи. <...>

Борьба за существование способствует развитию, заставляет людей перенимать более усовершенствованные жизненные приемы у соседних племен. Это, по-видимому, заметно и на чувашах описываемой местности. В общем, здешние чуваш обрусели, русицизмы встречаются в языках, в одежде и во всех приемах, относящихся к борьбе за существование. Многие ими перенято также и у окружающих татар, но, надо думать, очень давно и держится в настоящее время в силу обычая, как свое национальное. Необходимая принадлежность татарской избы – котел для варки пищи и нары есть непременно и в чувашской избе, встречаются, впрочем, теперь у некоторых и русские полати, но нары предпочитают» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 3–5].

Отдельное место в исследованиях молодого ученого занимало образование чуваш. Кстати сказать,

в 1904 году в журнале «Православный собеседник», а в 1906 году отдельной книгой было опубликовано исследование Н. В. Никольского «Народное образование у чуваш», в котором на основе многочисленных источников глубоко освещалась история распространения грамотности среди чувашей [Никольский, 1906]. В записях о жизни чуваш Байглычевского прихода Тетюшского уезда [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156.] ученый также касается образования местных жителей и отмечает, что «главным двигателем к развитию и обрушению являются в данной местности школы, которые переполнены учащимися. Из чуваш этой местности много вышло и выходит учителей и священников. Это обстоятельство имеют в виду как родители, так и дети, даже девочки, потому что и на их долю выпадало счастье или быть учительницей, или выйти замуж за учителя и даже стать матушкой.

Трудно, разумеется, допустить, чтобы подобные обстоятельства способствовали переполнению школ учащимися, двигателем к просвещению служит что-то другое, более осязаемое. Нужда в образовании чувствуется инородцами чуть ли не сильнее, чем русскими, так как без знания русского языка, русской грамоты инородцу очень трудно обойтись в настоящее время. Кроме этого, к школе привлекает чувашских детей пение, которое они страстно, по-видимому, любят. Мне рассказывали случай с одной взрослой девицей, которая вздумала учиться грамоте и пению, чтобы петь в церкви. Родители ее не отпускали, но их уговорили взрослые братья – певчие, и таким образом девица ходила в школу целую зиму, терпя различные насмешки от молодежи. Увлечшись пением и школьной мудростью, она и на следующую зиму стала проситься в школу, но ее родители не пустили, тогда она стала посещать школу тайком. Прекратить посещение школы ее заставили только побои, но она все же выучилась грамоте и теперь поет в хоре» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 10–12].

Н. В. Никольский делает акцент на том, что жители деревни Апанасово-Темяши – прихожане Троицкой церкви села Байглычево Алькеевской волости – со временем изучения основ православия становились не только просто верующими людьми, но и намного продвинутыми людьми в сфере получения знаний, образования, культуры и православной веры. И это во многом благодаря энергичной деятельности священника Троицкой церкви с. Байглычево Алексея Васильевича Рекеева (1848–1932), который «служит в Байглычево около 25 лет и за это время со своими прихожанами при сочувствии благотворительных лиц выстроил церковь и 3 школы, последние сам и основал» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 12]. Н. В. Никольский также отмечает, как с трудом давалось продвижение основ православия среди местного населения, в том числе и жителей деревни Апанасово-Темяши. Какие понятия чуваш имели о церкви в восьмидесятые годы XIX века, Николай Васильевич описывает, как им отмечено, по рассказам отца Рекеева: «В первые годы по приезду в Байглычево совершал он (А. В. Рекеев. – О. Е.) однажды литургию. Была зима и погода стояла

холодная. Входит в церковь чувашин в шапке и, хлопая рукавицами, говорит: «Ай, сивё, ай, сивё!» [Ай, холодно, ай холодно!]. Когда ему заметили, что шапку нужно снять, он, недоумевая, сделал это и направился к печке. Отогревая около нее руки, стал налаживать трубку, намереваясь закурить. Ему заметили, что и этого делать нельзя, он переспросил, держа трубку в зубах: «юрмасть?» [нельзя?], и отправился вон из церкви» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 13].

А уже в начале XX в., как отмечает Н. В. Никольский, «благодаря переводческим изданиям, во множестве распространяемым тем же о. Рекеевым через имеющийся у него склад, школам и другим двигателям просвещения, население далеко продвинулось вперед в смысле развития и усвоения православия, особенно это заметно на молодом поколении» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 13].

Исследователь указывает на то, что жители усердно посещают церковь даже во время страды, причем многие ходят за пять и более верст. В то же время Н. В. Никольским отмечается остаток языческих приемов в религиозных обычаях, что жители, несмотря на старания священников, предпочитают придавать христианским обычаям языческое значение: «Что может свидетельствовать о Байглычевских чувашах как о новичках в православии, так что только то, что они стараются как можно больше ставить свеч, причем свечи ставятся копейные и перед каждой иконой по выбору. Это должно быть остаток языческих приемов в молитвенных жертвоприношениях. <...> Особо чтимыми святыми в этой местности считается святые Василий Великий и Николай Угодник, из которых первого чувашин зовут Василь Васильич, а второго – Никола Охотник. К ним обращаются в случае болезни кого-либо из членов семьи или скотины и воздают особые почести, причем в случае постигнутого несчастья к ним обращаются не тотчас, а делается только обещание сделать то-то и то-то. Захворал, например, кто-либо из семьи, чувашин дает обещание в случае выздоровления поставить свечу во столько-то копеек или отслужить молебен, требующиеся на этот предмет деньги также откладываются в особый мешочек, хранящийся нарочито для этого. Случится в доме новое несчастье, делается опять обещание и откладываются в запасной мешочек деньги и т. д. до известного дня, когда и исполняются все обещания разом.

Байглычевские чувашин нередко дают подобные обещания и выполняют их перед иконой св. Николая в селе Ишаках, верст за 15 от Байглычева, причем требуется обязательно личное присутствие обещавшегося и расходуются непременно все обещанные деньги, иногда рубль два и более.

<...> Если чувашин почему-либо хочет навсегда прекратить поездки к святому чужой церкви, то он, молясь ему в последний раз, заявляет свои причины, почему хочет прекратить к нему ездить. Молится он в этом случае в таком приблизительном роде: «Ты живешь далеко, ездить мне к тебе трудно, у нас своя церковь, передай, пожалуйста, свои права на заступничество святому такому-то в нашей церкви, ему я и

буду молиться как тебе, а ты уже на меня не сердись». Вот подобным образом прекращается паломничество к особо чтимым святым других приходов. На религиозной почве ведется у чуваш также и поминовения умерших, совершаемые в поминальные субботы, установленные православной церковью. В Дмитриевскую субботу (26 октября) чуваш варят пиво, кашу, берут водки и поминают предков, переходя из дома в дом по своим родственникам; но на кладбище никого не бывает» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 14–20].

Очень интересным, на наш взгляд, является описание одного из обрядов, на которых молодой ученый присутствовал, будучи в деревне Апанасово-Темяши в начале августа 1904 г.: «Сегодня с хозяином (дома, где Н. В. Никольский снимал жилье. – О. Е.) ходили в гости «така сѣме» (барана поесть) к одному его родственнику, который нас усиленно приглашал. Праздник «така сѣме» справляется чувашами в период времени с Петрова дня до начала страды и заключается в следующем: домохозяин назначает в этот период какой-либо определенный день, варит к нему пиво, если богатый и гости предполагаются из других деревень, то берет и водки, готовит угощение и непременно режет барана, который весь в этот день и варится. Приготовившись таким образом, он созывает родственников, и начинается угощение. Едят и пьют очень много. Сваренный баран разрезается на куски, кладутся эти куски в большую чашку и оттуда гости берут уже прямо руками, причем куски мяса выглядят такими затасканными, как будто они где-то долгое время валялись, потом собраны и принесены, но гости, несмотря на это, кушают с большим аппетитом. Тут же угощают пивом, и надо сказать, очень усердно, буквально не дают ни отдыха, ни сроку. Кроме того, умудряются и чай пить в это же время. Если гостей много, то пиво то и дело таскается ведрами. Чуваш его, по-видимому, любят и пьют очень много. Варят пиво не только к праздникам, но и так запросто и пьют, а к большим праздникам и свадьбам варят его ведер по сто и больше.

Но пиво <...> – это скорее квас с хмелем и то плохой, у русских я такого пива не встречал, а чувашам ничего, верно, – «сысна хырăмне ыраш пăсмасть» [свиной живот рожь не испортит], говорят они в этих случаях. Для них хорошее угощение составляет, как будто не качество предложенного, а количество.

Самым почетным угощением у чуваш считается «шыртан» (изрубленное и набитое в кишки мясо, вроде колбасы), оно, говорят, предлагается в большинстве случаев на свадебных пирах и у богатых в большие праздники.

Явившись к гостеприимному хозяину, мы там застали много гостей. Зарезанному барану уже воздана была надлежащая честь, и чаепитие подходило к концу. Нас пригласили за стол, а у печки накрыли другой стол, за который уселось человек шесть чувашек и начали уничтожать «шурпе» (щи). Чуваш-мужчины сидели на нарах и пили пиво, ведя оживленный разговор. Тут уже мне пришлось пить, – не пить нельзя, покажешь неуважение к хозяину, – который то и дело подходит и говорит: «Тав сана». Я отвечаю: «тавах» и хозяин, вы-

пивши стакан, немедленно наполняет опять и подносит мне. С той же церемонией выпивал и я стакан этой бурды, называемой пивом. (Пить помалу – неуважение к хозяину). Хорошо, что эта жидкость была не пьяная, а иногда, говорят, бывает очень пьяная. Тут же нас угощали чаем, мясом, яйцами, так что в конце концов я почувствовал себя в положении крыловского Фоки. <...>

В конце угощения иногда у чуваш варят кашу, так называемую «пăшăл пăтти». Это каша служит знаком, что, поевши ее, следует немедленно убираться домой. Она, говорят, составляет необходимую принадлежность свадебных пиров.

В гостях я заметил, как один чувашин, глядя на меня, спрашивал моего хозяина: «Хăлхи шăтăк-ши, шăтăк мар-ши?» [уши его дырявые или не дырявые?]. Слова знакомые, и дома я спросил хозяина, что они значат. Оказалось, что это условный вопрос и означает: может ли он понимать по-чувашски. Оказывается, что человек, если и знает по-чувашски, и то не может догадаться, к чему относится этот вопрос, не зная его условного значения. Употребляются также чувашами следующие условные выражения: «Ытлашши пĕрене пур» [имеется лишнее бревно], «Ытлашши сурăксем пур» [имеются лишние дыры]. Этими выражениями один предупреждает другого, что говорить на счет такого-то нельзя, есть здесь лишние люди, то есть такие, которые наши слова передадут» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 20–26].

Что касается каши, называемой Н. В. Никольским *пăшăл пăтти*, то надо отметить, что многие семьи Яльчикского района до сих пор чтут этот обычай и подают кашу гостям перед их уходом после шумного застолья. Слово *пăшăл* восходит к русскому «пошёл», отсюда – *пошишол (пăшăл) пăтти* – каша, после поедания которой надо уходить домой.

Посетил Н. В. Никольский и базар, расположенный в соседнем селе: «Чувашский базар мне пришлось увидеть в селе Яльчиках, верстах в 5 от Байглычева. Это большое село с чувашским поселением. Сюда на базар съезжаются татары и чуваш из окрестных сел и деревень, некоторые верст за двадцать и больше. Дело было перед страдой и базар в это время должен быть большой. Народу действительно съехалось очень много, но базар показался мне каким-то вялым, не было того оживления, какое обыкновенно замечается на русских базарах. Предметов торговли сравнительно с русским базаром очень мало. Кустарных изделий, если не считать глиняную посуду и лубочные корзины для детей, совсем почти не было. Это должно быть зависит от того, что кустарные промыслы в краю очень плохо развиты. Лавок с ситцами тоже очень мало, да и те товаром совсем бедны <...>.

Женщин на базаре сравнительно с мужчинами мало, а девушек еще меньше. Из девушек решаются приезжать должно быть только те, которые имеют надежную охрану от непрошенных женихов, или которые не боятся, что они посредством умыкания могут очутиться замужем. Умыкание невест у чуваш случается до сих пор, хотя и не часто. Бедный жених, не имея средств заплатить порядочный «хулым» [хулăм – ка-

лым, выкуп за невесту], решается силой увезти нужную ему девушку и держать ее день два у себя. Потом дают знать родителям и о местонахождении их дочери, и родители вынуждены бывают во избежание позора выдать дочь за этого жениха совсем без «хулыма», или сократив его до возможной для жениха степени. Некоторые родители в подобных случаях иногда вынуждены бывают увезти девушку обратно домой, но тогда она считается уже опозоренной и редко выходит за хорошего жениха.

Нравственность у чуваш вообще охраняется очень строго, и проступки женщин и девушек против чести составляют весьма редкое исключение. В деревне Апанасово-Темяши проживает один чувашин, ходивший прежде на отхожие промыслы. Жена у него была русская, <...> и задумал найти себе нелегальную подругу жизни. Нашел какую-то чувашку и привел к себе в дом. Но общество, видя такой непорядок, собрав сход, постановило прогнать из деревни эту чувашку» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 27–33].

Таким образом, благодаря Н. В. Никольскому имеем возможность ознакомиться с бытом и нравами чувашской деревни начала XX в.

Кроме того, исследователь записал 70 песен (*вайй кёвви*), исполняемых молодежью во время хороводов (*вай-ара*). Как видно из записей собирателя [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л. 55–70], в своих песнях девушки деревни Апанасово-Темяши особое внимание оказывали гостям из соседнего с. Байдеряково. Из всех куплетов песен *вайй кёвви*, записанных Н. В. Никольским, шесть куплетов посвящены молодежи из этого села, парни и девушки из других близлежащих сел и деревень при этом не упоминаются:

Леш еккинчи хур чейпи начарлана пусланй.
Серши пырса чуп тунй та, самайлана пусланй.
Патреккел хёрёсем начарлана пусланй.
Каччи пырса чуп тунй та, самайлана пусланй.

Пус кутёнче кывакал, кывакал
Пустав тёслё курйанать, курйанать.
Патреккел ачисем, ачисем
Шуйтан тёслё курйанать, курйанать.

Чёрик-чёрик урапа,
Урапа тикётлемен теещё, теещё.
Патреккел ачисе, ачисе,
Питне суман теещё, теещё.

Кёпер синчи шур юпа
Куллен ыр ут кётет вай.
Патреккел хёрёсем
Куллен хата кётет вай.

И хут кёпер, хут кёпер,
Хумханмасар касраймар, касраймар.
Патреккел хёрёсе(не), хёрёсе(не),
Пёр хулансар илтёмёр, илтёмёр.

А вот куплеты, которые восхваляют девушек родного села:

Хур курассар килет-им,
Пайла хёрне анса кур.
Хёр курассар килет-им,
Хёр курассар килсесён,
Пир(ё)н Тимеше пырса кур,
Пир(ё)н Тимеше пырса кур.

Тимеш шывё таран шыв, таран шыв,
Чи таранни пилёкрэн, пилёкрэн.
Тимеш хёрё – сарй хёр, сарй хёр,
Сарй сўсё пилёкрэн, пилёкрэн.

Кёленче сямарта кустартым,
Чулхулана ситертём.
Чулхулара чул хаклай,
Пирён Тимешре хёр хаклай.

Гусенок с другой улицы начал болеть.
Воробей поцеловал, и начал выздоравливать.
Девушки Байдерякова начали болеть.
Молодой человек поцеловал, и начали выздоравливать.

У колодца утки
Похожи на сукно.
Молодые люди Байдерякова
Похожи на чертей.

Худое колесо
Не обработано дегтем, говорят.
Молодые люди Байдерякова
Не вымыли лица, говорят.

Белый столб на мосту
Каждый день ждет доброго коня.
Девушки Байдерякова
Каждый день ждут сватов.

О, бумажный мост,
Перешли без волнений.
Девушек Байдерякова
Взяли замуж без выкупа.

Хотите увидеть гуся,
Сходите на берег Булы.
Хотите увидеть девушку?
Если хотите увидеть девушку,
В наши Тимяши придите,
В наши Тимяши придите.

Воды Тимяшей глубоки,
Самое глубокое место до пояса.
Девушка Тимяшей – красна девица,
Белы волосы до пояса.

Покатил стеклянное яйцо,
Докатил до Нижнего Новгорода.
В Нижнем Новгороде камень дорогой,
В наших Тимяшах девушки дорогие.

*Вун ик куккук, пёр карйш, пёр карйш
Авйтаççё пёр харйс, пёр харйс.
Çак Тимеш хёрёсем, хёрёсем
Вйй калаççё пёр харйс, пёр харйс.*

*Хранцузски пусманйн, пусманйн
Хйсан тёсё кайни пур, кайни пур?
Çак Тимешсен хёрёсен, хёрёсен
Хйсан ячё кайни пур, кайни пур?*

*Çуттйн, çуттйн курнакан
Чиркў тйрри мар-ши çав?
Вйй сатур калакан, калакан
Тимеш хёрё мар-ши çав, мар-ши çав?*

Кроме куплетов *вйй кёвви*, Н. В. Никольским записаны и чувашские гостевые песни (*хйна юрри*), услышанные им в исполнении жителей деревни [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 159. Л. 70–71]:

*Сиктермеллё урапа, йёс урече,
Хйш енчен сиксе ларам-ши?
Аппаçйм та йыснаçйм,
Хйш урйртан тытса тайлам-ши?
Сылтйм ураран тытса таййлан,
Мул лапчйнанть тесе ан калйр.
Сулахай урйртан тытса таййлан,
Пире хурлатъ тесе ан калйр.*

*Шйнкйр-шйнкйр шыв юхать,
Шйнкйрч чёппи шыв ёсет,
Чёкес чёппин мён ёç пур?
Ылтйнна кёмёл тавлашать,
Пйхйр укçан мён ёç пур?
Тйванпала тйван савйшать,
Çичё ютйн мён ёç пур?*

*Вун иккёпе тунй çйпата,
Сырйччен сырасси.
Сырмарйм, сырсан
Пйрахасса пёлмерём.
Ах, тйвансем, чунймсем,
Курйччен курасси сунмарйм,
Курсан уйрйласса пёлмерём.*

*Вун иккён те явнй чён чйпйрка,
Мёншён сўтёлмелле явнй-ши?
Арасна çуралса, пёрле уссе,
Мёншён уйрйлмалла сырнй-ши?*

*Атьйр ан та каййр каймалла,
Каййк çар хйвине çитмелле,
Каййк çар хйвине çитсессён
Ларса та пёр канаи тумалла;
Ларса та пёр канаи тусассан
Атте-анне килне те çитмелле.
Атте-анне килне çитсессён
Пуçламан пичкине пуçламалла.*

Двенадцать кукушек, одна коростель
Поют одновременно.
Эти тимяшские девушки
Поют одновременно.

Французская ткань
Когда-нибудь выцветала?
Эти тимяшские девушки
Когда-нибудь теряли имя?

Светлой, светлой кажущееся
Не церковь ли?
Поющая задорно
Не девушка ли из Тимяш?

Качалка, медная грядиль,
С какой стороны бы сесть?
Сестра моя и зять,
До какой ваши ноги дотронуться для поклона?
Если дотронусь правой ноги, и поклонюсь,
Не говорите, что богатства станет меньше.
Если дотронусь левой ноги, и поклонюсь,
Не говорите, что ругаю вас.

Журча, течет вода,
Птенец скворца пьет воду,
Что за дело к нему у птенца ласточки?
Золото с серебром спорят,
Что за дело к ним у меди?
Родственники радуются,
Что за дело к ним у чужих?

Лапти, сплетенные двенадцатью полосами лыка,
Лучше не обуваться.
Не обулся, но когда обулся,
Не захотелось снимать.
О, моя родня, моя душа,
Пока не виделись, не думал увидеться,
Но когда увиделись, не захотелось проститься.

Нагайка, сплетенная двенадцатью полосками,
Почему же ее сплели так, чтобы можно было расплести?
Рожденным порознь, росшим вместе,
Почему же суждено расстаться?

Давайте же не уходите насовсем,
Дойдите до порослей, где живут птицы,
Когда дойдете до порослей,
Нужно сесть и посоветоваться;
Когда посоветуемся,
Нужно дойти до дома родителей.
Когда дойдем до родителей,
Нужно открыть непочатую бочку.

Выводы

Записи исследователя, хранящиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, являются ценными историческими источниками, дающими общую картину повседневной жизни чувашской деревни того времени. Жителям деревни Апанасово-Темяши Яльчикского района Чувашской Республики начала XX в. однозначно повезло в том, что им суждено было общаться с исследователем-этнографом, будущим профессором Казанского универси-

тета, доктором исторических наук Н. В. Никольским, из записей которого можно почерпнуть много ценной информации. Каждому нынешнему жителю или уроженцу этих мест остается лишь предположить, что свои записи ученый сделал со слов его прадеда или прапрадеда, и гордиться тем, что именно в его родной деревне были сделаны записи этнографического характера, понимая при этом, что деятельность Н. В. Никольского по изучению фольклора, этнографии чувашей имеет общенациональное значение.

Список литературы

1. Дмитриев В. Д. Н. В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2002. 102 с.
2. Дмитриев В. Д., Леонтьев А. П., Матвеев Г. Б. Н. В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2011. 302 с.
3. Дмитриев В. Д., Матвеев Г. Б. Никольский // Чувашская энциклопедия. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2009. Том 3. С. 241–242.
4. Егоров С. А., Егорова О. Н. Возвращение к истокам. Страницы истории деревни Апанасово-Темяши. Чебоксары : Типография №7, 2017. 256 с.
5. Никольский Н. В. Из жизни чуваш Байглычевского прихода Тетюшского уезда. Деревня Апанасово-Темяши. 10 августа 1904 г. // НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 156. Инв. №4660. Л. 1-51.
6. Никольский Н. В. Народное образование у чуваш : исторический очерк. Казань, 1906. 86 с.
7. Никольский Н. В. Программа для собирания материалов о чувашах. Казань : Типография Императорского университета, 1904. 10 с.
8. Никольский Н. В. Собрание сочинений : в 4-х томах. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2004–2009.
9. Никольский Н. В. Чувашские песни. Тетюшский уезд Байглычевского прихода. Деревня Апанасово-Темяши. Август 1904 г. // НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 159. Инв. №4707. Л. 55–71.

References

1. Dimitriev, V. D. (2002). N. V. Nikol'skii – uchenyi, pedagog, obshchestvennyi deiatel', 102. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta.
2. Dimitriev, V. D., Leont'ev, A. P. & Matveev, G. B. (2011). N. V. Nikol'skii – uchenyi, prosvetitel', obshchestvennyi deiatel', 302. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
3. Dimitriev, V. D. & Matveev, G. B. (2009). Nikol'skii. *Chuvashskaia entsiklopediia*. Vol. 3. 241–242. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Egorov, S. A., & Egorova, O. N. (2017). Vozvrashchenie k istokam. Stranitsy istorii derevni Apanasovo-Temiashi, 256. Cheboksary : Printing house No. 7.
5. Nikol'skii, N. V. (n.d.). Iz zhizni chuvash Baiglychevskogo prikhoda Tetiushskogo uezda. Derevnia Apanasovo-Temiashi. 10 avgusta 1904 g. *NA ChGIGN*. Otd. I. Fond N. V. Nikol'skogo. Ed. khr. 156. Inv. 4660. L. 1–51.
6. Nikol'skii, N. V. (1906). Narodnoe obrazovanie u chuvash: historical essay, 86. Kazan.
7. Nikol'skii, N. V. (1904). Programma dlia sobiraniia materialov o chuvashakh, 10. Kazan' : Tipografiia Imperatorskogo universiteta.
8. Nikol'skii, N. V. (2004–2009). Sbranie sochinenii : v 4-kh tomakh. Cheboksary : Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Nikol'skii, N. V. (n.d.). Chuvashskie pesni. Tetiushskii uezd Baiglychevskogo prikhoda. Derevnia Apanasovo-Temiashi. Avgust 1904 g. *NA ChGIGN*. Otd. I. Fond N. V. Nikol'skogo. Ed. khr. 159. Inv. 4707. L. 55–71.

Информация об авторе

Егорова Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Olga N. Egorova – senior lecturer of department of Humanities and socio-economic disciplines, BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 22.03.2022

Принята к публикации / Accepted 14.06.2022

Опубликована / Published 21.06.2022

Библиотечное дело в Чувашии 20-х годов XX века

DOI 10.31483/r-102824

УДК 82.3

Иванова Е. К.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»,
Чебоксары, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-2847-3534>, e-mail: ivanova_ek_chuvsu@mail.ru

Резюме: Работа посвящена особенностям становления и развития библиотечного дела в условиях Чувашской автономной области. *Цель* статьи – рассмотреть состояние библиотечного дела в Чувашии 1920-х гг. и основные направления деятельности изб-читален и библиотек в повышении образовательного и культурного уровня населения в рассматриваемый период. Статья написана на основе *анализа* широкого круга литературы по теме, статистических сборников, изучения и отбора материалов центральных и местных государственных архивов, основная часть которых вводится в научный оборот впервые. Выявлено, что в исследуемые годы сложились и были проверены на практике многие методы массовой работы, которые, совершенствуясь на последующих этапах в связи с новыми задачами, использовались и используются библиотеками и до настоящего времени: тематические книжные выставки, вечера рецензий, литературные вечера, вечера по обсуждению новых произведений художественной литературы, длительные массовые кампании по пропаганде актуальных книг и библиотеки среди населения и т. д. В заключение делается *вывод* о том, что библиотеки и изб-читальни в исследуемый период постепенно приобрели опыт культурно-просветительной работы: от механической выдачи книг, пассивного обслуживания читателей к поискам методов активной работы среди масс. К середине 20-х годов библиотеки и изб-читальни начали переходить на более оформленную и плановую работу.

Ключевые слова: особенности становления библиотечного дела, справочная работа, громкие читки, вечера-встречи, кружковая работа, агитационные кампании.

Для цитирования: Иванова Е. К. Библиотечное дело в Чувашии 20-х годов XX века // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 13-16. DOI:10.31483/r-102824.

Review Article

Library Management in Chuvashia in the 1920s

Ekaterina K. Ivanova

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts",
Cheboksary, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-2847-3534>, e-mail: ivanova_ek_chuvsu@mail.ru

Abstract: The work is devoted to the peculiarities of the formation and development of library management of the Chuvash Autonomous Region. The *purpose* of the article is to consider the state of library management in Chuvashia in the 20s of the twentieth century and the main activities of reading huts and libraries in raising the educational and cultural level of the population in the period under review. The article is written on the basis of a thorough *analysis* of a wide range of literature on the topic, statistical collections, the study and selection of materials from central and local state archives, most of which are introduced into scientific circulation for the first time. It was revealed that in the years under study, many methods of mass work were developed and tested in practice, which, being improved at subsequent stages in connection with new tasks, have been used and used by libraries to this day: thematic book exhibitions, review evenings, literary evenings, evenings for discussion of new works of fiction, long-term mass campaigns to promote relevant books and libraries among the population, etc. It is *concluded* that libraries and reading rooms during the period under study gradually gained experience in cultural and educational work: from the mechanical issuance of books, passive service of readers to the search for methods of active work among the masses. By the mid-1920s, libraries and reading rooms began to switch to more organized and planned work.

Keywords: features of the development of library management, reference work, loud readings, meeting evenings, circle work, propaganda campaign.

For citation: Ivanova E. K. (2022). Library Management in Chuvashia in the 1920s. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 13-16. (in Russ.). DOI:10.31483/r-102824.

Введение

Изучение и обобщение опыта культурного строительства, особенно в ранее отсталых национальных районах страны, имеет определенное теоретическое и практическое значение. В связи с этим исследованию данной проблемы уделяли пристальное внимание видные ученые-историки Чувашской Республики И. Д. Кузнецов, В. Д. Димитриев, В. Л. Кузьмин, П. М. Михайлов, М. А. Андреев и др. В последнее время в этом направлении плодотворно работает Т. С. Сергеев. В их исследованиях нашли отражение развитие нового общественного строя в бывших чувашских уездах на различных этапах. Менее

изученным аспектом является выяснение роли библиотек и изб-читален в этом процессе.

История чувашского народа тесно связана с историей русского, татарского, марийского, мордовского и других народов России. Войдя в состав России в середине XVI в., чувашский народ навсегда связал свою судьбу с русским народом, который играл и продолжает играть прогрессивную роль в его хозяйственном, политическом и культурном развитии. С этого времени Чувашия развивалась как составная часть России, испытывая воздействие ее социально-экономических и общественно-политических условий.

Образование Чувашской автономной области 24 июня 1920 г. и преобразование в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в 1925 г. послужило основой для дальнейшего совершенствования государственности чувашского народа, развития его экономических и культурных сил. В то же время на этом пути имелись большие трудности, обусловленные хозяйственной и культурной отсталостью республики. Полукустарная база промышленности, низкий уровень сельскохозяйственного производства, недостаток квалифицированных кадров рабочих, малочисленность национальной интеллигенции, неграмотность значительной части населения – таково было состояние автономной области.

Как свидетельствуют многочисленные архивные документы, образование автономной государственности воодушевило чувашский народ в области подъема культурного уровня. Однако не было еще необходимых условий для развертывания культурного строительства: низкий уровень грамотности населения, не хватало материальных средств и др.

Материалы и методы

Статья написана на основе тщательного анализа широкого круга литературы по теме, статистических сборников, изучения и отбора материалов центральных и местных государственных архивов, основная часть которых вводится в научный оборот впервые. Описи архивных дел не всегда позволяли определить их содержание, в связи с чем просматривалось огромное количество документов. К тому же нередко обнаруживалось несоответствие количественных данных, приводимых различными источниками, включая и официальные издания. В процессе исследования документов приходилось учитывать тенденциозность некоторых официальных документов, представленных либо с заниженными исходными данными за предшествующие периоды, либо с завышенными показателями в отчетах о проделанной работе.

Результаты исследования и их обсуждение

Основные задачи, содержание, направления и методы работы политпросветучреждений Чувашской автономной области определялись исходя из того, что область была земледельческой, фабрично-заводское производство находилось в зачаточном состоянии, имелся лишь небольшой процент кустарей, которые еще не потеряли связи с сельским хозяйством, не имелось крупных объединений воинских частей, а были лишь территориальные части с малым количеством красноармейцев. Поэтому основное внимание при организации агитационно-массовой и просветительной работы обращалось на крестьянство: батраков, бедняков и середняков.

Существенную роль в осуществлении этой задачи сыграла постановка справочной работы, которая стала одной из форм привлечения крестьян в избу-читальню. Организованные при них справочные столы пользовались большой популярностью среди сельского населения, справочной работой в большинстве случаев охва-

тывались батраки и бедняки. Их интересовали вопросы о льготах, установленных советской властью для бедняков, о сельскохозяйственном кредите, о вступлении в комитет крестьянской взаимопомощи и т. п. Путем выдачи устных и письменных справок избу-читальни пропагандировали решения советских органов, законы и другие нормативные акты государства.

По данным государственного архива, в течение первого полугодия 1925 г. на одну избу-читальню Батыревского уезда в среднем приходилось 45 справок. По социальному составу среди обратившихся за справками были: батраков – 201 человек (30%), бедняков – 267 (40%), середняков – 164 (25%), зажиточных – 32 человека (5%) [4, д. 197, л. 19–29]; всего за 1925 г. по этому уезду были выданы 664 справки, по Чебоксарскому уезду – 831, по Ядринскому уезду – 1918 справок. В Ядринском уезде в среднем на одну избу-читальню приходилось две-три справки в день. Справки выданы по вопросам: о налогах – 46 (15%), по землеустройству и сельскому хозяйству – 103 (11%), о кооперации – 53 (6%), по бытовым и семейным вопросам – 153 (17%), прочим – 480 (51%). Из выданных справок около половины дали практические результаты [4, д. 197, л. 19–29].

Как коллективная форма справочной работы использовалось проведение вечеров вопросов и ответов. Так, в Батыревском уезде в 15 избах-читальнях за один месяц были проведены 16 вечеров вопросов и ответов, на которых присутствовали 788 человек [4, д. 197, л. 29].

Однако, как свидетельствуют архивные документы, справочная работа не везде была четко налажена. В некоторых избах-читальнях справочные столы работали не с полной нагрузкой, недостаточно вовлекался актив в их работу.

В этот период важным направлением деятельности политпросветучреждений стало участие в организации работы по преодолению трудностей, связанных с постигшим в 1921 г. неурожаем. В этих условиях основными задачами культурно-просветительной и массово-политической работы библиотек и изб-читален стали: а) информация населения о мерах борьбы с голодом, предпринимаемых государством, отдельными организациями и международным пролетариатом; б) организация среди крестьян самопомощи, вовлечение их в потребительские кооперативы; в) ликвидация сельскохозяйственной безграмотности, направленной, в конечном счете, на повышение производительности сельского хозяйства [1, д. 317, л. 4–5].

5 августа 1922 г. во все уездные отделы народного образования было отправлено письмо, в котором говорилось, что трудности, вызванные голодом, усугубляются тем, что в Чувашии появились случаи холерных заболеваний и в скором времени будет объявлена по всей области неделя борьбы с холерной эпидемией с участием всех организаций и учреждений. Перед органами Наркомпроса ставилась задача – совместно с уездными органами здравоохранения принять активное участие в проведении недели борьбы с холерной эпидемией; широко содейство-

вать в агитации о борьбе с холерой, предоставить на помощь местные силы, а также предоставить им помещения школ, библиотек для устройства лекций, бесед, собраний [1, д. 486, л. 16].

Выполняя эти указания, политпросветработники с привлечением медицинских работников значительно активизировали пропаганду санитарно-просветительных знаний среди населения.

Следующим направлением деятельности политико-просветительных учреждений в рассматриваемый период было обслуживание книгой тех, кто с оружием в руках защищал Советскую власть. Работники политпросветучреждений, организовывая встречи с населением, рассказывали о боевых действиях Красной Армии, вскрывали антинародный характер контрреволюционных сил, разоблачали зверства белогвардейцев, их издевательства над населением. Эта деятельность способствовала мобилизации материальных и людских ресурсов, привлекала широкие массы трудящихся для разгрома интервентов и белогвардейцев.

Работа с красноармейцами велась с учетом того, что красноармейцы в основном – выходцы из крестьян. Поэтому политпросветработники, организовывая лекции, собрания и устные газеты по вопросам международной и внутренней политики, по вопросам культуры, промышленности, увязывали рассматриваемые вопросы с проблемами, связанными с сельским хозяйством [1, д. 478, л. 1 об.].

Немаловажное значение в деятельности политпросветучреждений этого периода имела производственная пропаганда.

Доведение основ новой экономической политики, очередных задач хозяйственного строительства до каждого рабочего и крестьянина требовало приближения всей агитационной и политико-просветительной работы к производственным условиям рабочих и крестьян, организации массовой разъяснительной работы непосредственно в местах производства, усиления пропаганды передовых форм работы. В связи с этим в рассматриваемый период в деятельности библиотек появилось новое направление – участие в разъяснении массам основ научной организации производства, в техническом образовании рабочих, в пропаганде агрозоотехнических знаний. Это свидетельствовало о том, что идейно-воспитательная и просветительная функции библиотек стали увязываться с задачами развития производства.

Задачами производственной пропаганды библиотек и изб-читален в исследуемый период являлись: 1) вовлечение широких масс трудящихся в круг производственных интересов, как данного предприятия, так и всего производства в целом, поднятие и укрепление трудовой дисциплины, втягивание технических сил в хозяйственное строительство. Это достигалось путем использования работниками политпросветучреждений собрания рабочих, технических совещаний, различных конференций, печати, искусства, передвижных выставок; 2) поднятие уровня технических знаний рабочих: использование с этой целью фабрично-заводских, научно-технических клубов, школ фабзавуча, профтех-

нических курсов, производственных кружков и пр., пропаганда и распространение хозяйственно-экономической и технической литературы; 3) регулярная информация работников о производственных заданиях, об условиях выполнения их, о сырьевых, финансовых, топливных и прочих ресурсах, о состоянии инвентаря заводских помещений, о повышении производительности труда и качества продукции.

Для успешного решения указанных задач политпросветработники широко использовали стенную печать, устные газеты, общественно-политические суды, художественные плакаты.

В условиях аграрной Чувашии особо актуальной была необходимость улучшения и развития работы по массовому распространению сельскохозяйственных знаний [6; 7]. Поэтому политико-просветительную работу избы-читальни и библиотеки стремились тесно увязывать с вопросами сельскохозяйственного производства, с пропагандой литературы по сельскому хозяйству. С этой целью политпросветучреждения использовали такие формы пропаганды сельскохозяйственных знаний среди крестьянства, как беседы, лекции, доклады, вечера вопросов и ответов на сельскохозяйственные темы; создание в избах-читальнях, сельских школах для взрослых и библиотеках сельскохозяйственных кружков, которые, являясь действенным средством распространения сельскохозяйственных знаний среди населения, в то же время были и способом вовлечения взрослого крестьянства в число читателей библиотек; распространение специально подобранной популярной агрозоотехнической литературы [1, д. 5, л. 26, 196 об.-197 об.; 1, д. 716, л. 70; 7, д. 321, л. 73; 8, д. 431, л. 23].

Однако, как видно из отчета проподотдела облпросвета Чувашской автономной области за 1921 г., в связи с тем, что агитаторы были слабо подготовлены, работа по пропаганде сельскохозяйственных знаний велась на недостаточном уровне. Появление агитатора в деревне всегда связывалось с той или другой «кампанией по сбору». В связи с новой экономической политикой Наркомпрос требовал сделать агитацию более содержательной, основательной и прочной. Нужно было стремиться, чтобы при агитации лично заинтересовать крестьянство, действуя на собственническую психологию, стараясь при этом связать частные интересы с общегосударственными [1, д. 317, л. 4-5].

Большое место в деятельности изб-читален и библиотек занимала пропаганда книг в связи проведением различных кампаний. Так, в 1924–1925 гг. уездными политпросветами были проведены: неделя крестьянского внутреннего займа; трехдневка по борьбе с туберкулезом; неделя по борьбе с малярией; международная детская неделя; праздник милиции; праздник Нового года. Волостные и сельские политпросветучреждения участвовали в работе краткосрочных агитационных кампаний, праздников и дней (день леса, день урожая, женский день и т. д.), в проведении среди населения длительных агитационных кампаний (перевыборы Советов, налоговый вопрос, многополье и др.) [2; 3, д. 192; 5, д. 131, л. 64].

Становление и развитие различных направлений деятельности изб-читален и библиотек в рассматриваемый период сопровождались поиском и использованием многообразных методов пропаганды книги среди населения.

Политпросветучреждения вели работу с газетой, проводили громкие чтения, беседы и лекции по политическим, сельскохозяйственным и антирелигиозным вопросам, устраивали книжные выставки, вечера книг, разрабатывали плакаты и рекомендательные списки литературы, организовывали кружки самообразования, кружки содействия библиотеке, агрозоотехнические кружки и др.

Особой популярностью среди населения пользовались книжные выставки, организуемые центральными библиотеками.

Выводы

Библиотеки и избы-читальни в 1920 гг. постепенно приобретали опыт культурно-просветительной работы. Приведенные выше примеры говорят о повороте работы библиотек от механической выдачи книг, пассивного обслуживания читателей к поискам методов активной работы среди масс. К середине 20-х годов библиотеки и избы-читальни от той пестроты, какая наблюдалась раньше, начали переходить на более твердую, оформленную, плановую работу.

Работники политпросветучреждений стремились использовать массовые кампании по пропаганде книги как средство привлечения в библиотеки новых слоев читателей, вовлечения рабочих, крестьян, рабоче-крестьянской молодежи в дело культурного строитель-

ства. С их помощью они решали важную социальную задачу – довести книгу до самых широких масс населения, вплоть до тех, кто только что овладел грамотой.

Работа изб-читален заключалась, главным образом, в чтении докладов и лекций, в проведении бесед с населением, в подборе и выдаче книг по разным отраслям, в организации кружков по актуальным вопросам, в постановке спектаклей, в проведении кампаний и выдаче населению необходимых справок.

В исследуемые годы сложились и были проверены на практике многие методы массовой работы, которые, совершенствуясь на последующих этапах в связи с новыми задачами, использовались и используются библиотеками и до настоящего времени: тематические книжные выставки, вечера рецензий, литературные вечера, вечера по обсуждению новых произведений художественной литературы, длительные массовые кампании по пропаганде актуальных книг и библиотеки среди населения.

Многие библиотеки на современном этапе используют этот опыт в целях усиления пропаганды сельскохозяйственной, технической и естественно-научной литературы, в целях вовлечения в библиотеки новых слоев читателей. Большой популярностью пользуются ежегодно проводимые «Недели детской книги».

В дальнейшем, в связи с изменением в социально-экономической, политической, духовной жизни, менялось содержание всей культурно-просветительной работы: постепенно обогащались формы, методы и средства пропаганды книги; деятельность политико-просветительных учреждений становилась более углубленной и систематической.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 123. Опись 1.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 202. Опись 2.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 203. Опись 2.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 221. Опись 1.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 225. Опись 1.
6. Центральный государственный архив Российской Федерации. Фонд 1318. Опись 1.
7. Центральный государственный архив Российской Федерации. Фонд 2306. Опись 70.
8. Центральный государственный архив Российской Федерации. Фонд 2313. Опись 5.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. (n.d.). Fond 123. Opis' 1.
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. (n.d.). Fond 202. Opis' 2.
3. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. (n.d.). Fond 203. Opis' 2.
4. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. (n.d.). Fond 221. Opis' 1.
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. (n.d.). Fond 225. Opis' 1.
6. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. (n.d.). Fond 1318. Opis' 1.
7. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. (n.d.). Fond 2306. Opis' 70.
8. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. (n.d.). Fond 2313. Opis' 5.

Информация об авторе

Иванова Екатерина Константиновна – доктор педагогических наук, профессор БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Ekaterina K. Ivanova – doctor of pedagogic sciences, professor BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 03.06.2022

Принята к публикации / Accepted 27.06.2022

Опубликована / Published 27.06.2022

Отражение исторического времени в казахском документальном кино

DOI 10.31483/r-101536

УДК 7.791.43/45

Мукушева Н. Р.

Казахский национальный университет искусств,
Нур-Султан, Республика Казахстан. <https://orcid.org/0000-0002-8198-283X>, e-mail: arizan.kino@mail.ru

Резюме: В статье исследуется казахское документальное кино с точки зрения объединения в нем национально-культурного наследия и исторического времени. *Цель* статьи – проанализировать особенности использования времени в изображении духовного мира, национальных обычаев и традиций в фильмах мастеров документального кино Ораза Абишева, Бахыта Гафу-Кайырбекова и др. На основе *метода* формально-стилистического анализа исследуется значение исторического времени в документальном кино. Автор, исследуя казахское документальное кино, делает *вывод*, что отражение в нем единства национального культурного наследия и исторического времени прошло несколько этапов становления и было тесно связано с социальными и политическими явлениями, происходящими в стране. В *заключении* перечисляются этапы становления казахского документального кино с точки зрения отражения исторического времени и утверждается, что: 1) первый этап связан с установлением советской власти в Казахстане, с идеологией и политикой социализма (1927–1930 гг.); 2) второй этап связан с отражением на экране документального кино народной памяти и истории в условиях политической, социальной атмосферы Казахстана 1960 годов (1960–1970 гг.); 3) третий этап отражает процессы возвращения к истокам национального сознания, народной исторической памяти (1990–2020 гг.).

Ключевые слова: документальное кино, культурное наследие, историческое время, герой фильма, режиссер фильма.

Для цитирования: Мукушева Н. Р. Отражение исторического времени в казахском документальном кино // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 17-20. DOI:10.31483/r-101536.

Review Article

Reflection of Historical Time in Kazakh Documentaries

Nazira R. Mukusheva

Kazakh National University of Arts,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. <https://orcid.org/0000-0002-8198-283X>, e-mail: arizan.kino@mail.ru

Abstract: The article deals with the unity of the national cultural heritage and historical time in Kazakh documentary films. The *purpose* of the article is to analyze the features of the use of time in the depiction of the spiritual world, national customs and traditions in the films of documentary film masters OrazAbishev, BakhytGafu-Kaiyrbekov and others. Based on the formal stylistic *method*, the significance of historical time in documentary films is explored. The author, considering the unity of the national cultural heritage and historical time in the Kazakh documentary, *concludes* that in the Kazakh documentary film, the reflection of the unity of the national cultural heritage and historical time has gone through several stages of formation, and was closely connected with the social, political phenomena taking place in the country. In *conclusion*, the stages of the formation of Kazakh documentary cinema are listed from the point of view of reflecting historical time and it is argued that: 1) the first stage is associated with the establishment of Soviet power in Kazakhstan, with the ideology and politics of socialism (1927–1930); 2) the second stage is connected with the reflection of people's memory and history on the documentary film screen in the conditions of the political, social atmosphere of Kazakhstan in the 1960s (1960–1970); 3) the third stage reflects the processes of returning to the origins of national consciousness, people's historical memory (1990–2020).

Keywords: documentary film, cultural heritage, historical time, film character, film director.

For citation: Mukusheva N. R. (2022). Reflection of Historical Time in Kazakh Documentaries. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 17-20. (In Russ.) DOI:10.31483/r-101536.

Введение

Известный философ, социолог Николай Бердяев в статье «Время и вечность» пишет: «Историческая память – величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности. Она поддерживает историческую связь времен. Память есть основа истории. Без этой памяти истории не было бы, потому что если история и совершалась бы, то в этом разорванном времени так безнадежно было бы отрезано настоящее от будущего и прошлого, что восприятие истории стало бы невозможно... Память есть вечное онтологическое начало, создающее основу всего исторического. Память хранит отчее начало, нашу связь с отцами, потому что связь с отцами и есть связь настоящего и будущего с прошлым» [1, с. 408–409]. Философ утверждает о том, что постоянное воспроизведение былого в памяти любого человека, любо-

го народа есть естественная закономерность. Потому что без этой закономерности народ, нация лишается своего прошлого, своей истории.

Вот как охарактеризовал понятие исторического времени философ В. Яковлев: «Время истории – это качественно высший уровень человеческого, т.е. социального времени, потому что история есть самопорождающий, самовоспроизводящий себя процесс. Индивид смертен, приходят и уходят поколения, но ни одна жизнь не исчезает бесследно, т.е. не остается вне истории. Историческое время не существует вне реальной жизнедеятельности смертных людей, но оно же по отношению к каждому индивиду выступает как его субстанция» [6, с. 102]. Также философ обращает внимание на то, что в историческом времени очень важно время поколений, и оно тесно связано с временем индивида: «Время человеческого поколения – это основ-

ное звено, центральный нерв в системе социального времени. Поколение соединяет, связывает индивида с историей. Если мировая история – океан, а индивид – капля в этом океане, то поколение можно сравнить с волной. Одна за другой набегают на берег волны. Их гребень растет, поднимается, а затем круто падает вниз. Одна волна сменяет другую...» [6, с. 66]. То есть в свете исторического времени прошлое (история), настоящее и будущее (преемственность поколений) тесно связаны между собой. Оба философа говорят о том, что обращение к историческому времени и есть возрождение национального самосознания.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужило казахское документальное кино. На основе метода формально-стилистического анализа исследуется значение исторического времени в казахском документальном кино.

Результаты и их обсуждение

В казахском документальном кино отражение единства национального культурного наследия и исторического времени прошло несколько этапов становления, и, безусловно, было тесно связано с социальными, политическими явлениями, происходящими в стране. Первый этнографический фильм на казахской земле был снят в 1927 году. Это был фильм режиссера В. Карина и оператора В. Пате-ипа «Жизнь и быт Казахстана», состоящий из четырех частей, снятый в Алматинском филиале Всероссийского акционерного общества «Востоккино». В фильме показана жизнь казахов, тяжелый быт бедняков в годы голода. Через три года были сняты фильмы «Знаешь ли ты животный мир Казахстана?» (1930, опер. В. Доброницкий), «Золотые берега» (1930, реж., опер. А. Лемберг). Первый этап был тесно связан с установлением советской власти в Казахстане, с идеологией и политикой социализма.

Второй период – 1960–1970 гг. Политическая, социальная атмосфера 1960 годов стала отражать на экране документального кино Казахстана народную память и историю. Во-первых, во второй половине десятилетия это проявилось в обращении к истории культуры. В этот период О. Абишев снимает документальные фильмы «От надписи на камне» (1968), «Тайна раскрытой ладони» (1969), «Диалог с историей» (1973), где повествуется не только о наскальных рисунках, дошедших из глубины веков, но и о современном развитии национальных ремесел и культуры казахского народа. Эти фильмы останутся в истории казахского киноискусства как первые произведения, где велся поиск корней национального искусства и культуры в глубине веков.

В 1971 году известный ученый А. Жиренчин издает научный труд «Из истории казахской книги». Эта книга стала настоящим культурным явлением, и вскоре по этой книге был написан сценарий к фильму «От надписи на камне», и начался съемочный процесс. Основная тема фильма – повествование о древних памятниках культуры, сохранившихся на казахской земле. Также в этом фильме ищут истоки современного книгоиздательства в глубине веков. Таким образом, прослежива-

ется связь между древними наскальными надписями, старинными рукописями и манускриптами с современным книгоиздательством.

В 1969 году О. Абишев приезжает в Мангистау (Мангышлак), чтобы снять фильм о нефтяниках. Во время этой поездки он узнает о мечети Шапкаката, и о том, что рядом с ней расположено место для национальной игры «тогызкумалак». Беспокоясь о том, что это место для игры в «тогызкумалак» может быть уничтожено, он решает запечатлеть его на пленку. Позже выходит в свет научно-популярный фильм «Тайна раскрытой ладони», ставший важной вехой в истории науки, культуры и киноискусства Казахстана.

Идея и тема, поднятая в фильмах «От надписи на камне», «Тайна раскрытой ладони» находит закономерное продолжение в фильме «Диалог с историей», вышедшего на экраны в 1973 году. В фильме показаны лучшие национальные ковры, изготовленные ковровщиками, а также рассказывается об истории узоров, ювелирных изделиях. На примере этих узоров прослеживается связь между современными изделиями и предметами, относящимися к VI–V векам до н.э.

Во всех трех фильмах история тонкой нитью связывается с настоящим. Ритмы древнего мира в сочетании с новыми красками и образами современности создают музыкальную палитру сегодняшнего дня. Монтажный слог, кинематографические приемы, использованные для отображения каждого изделия (приближение и удаление камеры, неспешная панорама и т. д.) придают фильму особую атмосферу и поэтический мотив. Фильмы, вышедшие в свет в 1960–1970-х годах стали духовной основой, неиссякаемым источником для этнографических фильмов, снятых в первое десятилетие после обретения независимости.

Третий, важный период проявления единства национального культурного наследия и исторического времени в казахском документальном кино связан с 1990 годами. Казахское документальное кино этого периода отличается процессом возвращения к истокам национального сознания, народной исторической памяти. В первое десятилетие на экран выходят доселе запрещенные темы, образы отдельных личностей пересматриваются с высоты нового времени, чаще стали снимать фильмы, отражающие национальные традиции и источник самосознания народа.

Основоположник профессионального киноведения в Казахстане, киновед, профессор Бауыржан Ногербек в своей книге «Экранно-фольклорные традиции в казахском игровом кино» пишет о социальной жизни страны, повлекшей за собой коренные изменения в казахском кино конца 1980-х и начала 1990-х годов: «Культурная ситуация в СССР и в Казахстане в конце 1980-х годов на период зарождения «новой волны» по накалу страстей, всеобщей политизированности общества, росту самосознания масс напоминала 20-е годы начала XX века, время, когда на сломе общественного и индивидуального самосознаний активное развитие получили новые авангардные формы в кинематографическом искусстве. Общество жаждало идеологических приоритетов» [3, с. 259].

Неопределенность идеологических, культурных, политических ценностей в первые годы нового суверенного государства поставила перед казахским искусством необходимость обращения к истории, традициям. Доктор искусствоведения, профессор Наталья Кривуля в своей книге «Лабиринты анимации. Исследование художественного образа российских анимационных фильмов второй половины XX века» объясняет причины обращения к историческому времени и культурному наследию, как его части, следующим образом: «Во-первых, обращение к наследию, приобщение к культурной традиции связано с осмыслением и самосознанием личностью своей самобытности. Человек, с одной стороны, стремится обозначить свою индивидуальность и непохожесть на «Другого»; с другой стороны, идентифицируя себя, он пытается соотнести, причислить свое «Я» к некоему архетипическому «Мы», «родовому истоку». Это возникает как необходимость в обретении некоей опоры в мире, утратившем стабильную систему ценностных категорий, и приходящем в разрушение вследствие отсутствия ценностно-временной дистанции. Обращение к прошлому предстает как попытка найти основы для моделирования универсально-целостного взгляда на мир [2, с. 79]. Исследователь обращает внимание на то, что в данном периоде возрастает интерес к фольклору. Таким образом, после того как социалистические ценности потеряли свою значимость, закономерным является то, что человек в казахском кино встает на путь поиска своего «Я», обращаясь к своему внутреннему миру и историческому прошлому.

В 1990-х годах в казахском документальном кино интенсивно развивается процесс возрождения национальных традиций и культурного наследия. Кардинальные изменения в социальной и политической жизни страны выводят на первый план документального кино историческое время и историческую память народа. Наталья Кривуля пишет следующее о важности обращения к культурному наследию и традициям: «Обращение к традиции предстает как попытка восстановления связи времен, как возможность обретения значимости через соединение с архетипической памятью, коллективным началом, то есть, как возможность расширения прошлого путем включения в него высоких пластов настоящего. Коды прошлого конституируют настоящее, соединяют его событие с образами памяти и преданий, наделяя их ценностной категорией» [2, с. 81]. К. Нурланова в статье «Традиции устной литературы в современной казахской прозе» о важности связи национальных традиций с современными ценностями, пишет следующее: «Традиции представляют собой, объективную форму исторического поступательного процесса. Это такой «идейный концентрат», который непрерывно обогащается в процессе общественной практики и, что особенно следует подчеркнуть, не только связан с прошлым, но и обращен в будущее» [4, с. 53].

В первые годы обретения независимости возрождения национальных традиций и культурного наследия, как явление преимущественно проявляется на экране документального кино Казахстана. На экраны выходит серия документальных фильмов, посвященных казахским традициям и обрядам. Народная память и ее со-

звучие с сегодняшним днем можно увидеть в фильмах «Возвращение в лоно Неба» (реж. Б. Гафу-Кайырбеков, 1993), «Колыбельная» (реж. О. Жунисов, 1993), «Священный порог» (реж. Б. Гафу, 1997), «Прикосновение» (реж. Р. Альпиев, 1997), «Клятва» (реж. Б. Гафу-Кайырбеков, 1998), «Свидание» (реж. Б. Гафу-Кайырбеков, 1998), «Узы» (реж. Б. Гафу-Кайырбеков, 1998), «Сундет» (реж. Б. Гафу-Кайырбеков, 1998).

Большинство этнографических фильмов, появившихся на свет за последние тридцать лет, тесно связаны с творчеством драматурга, поэта, режиссера Бахыта Гафу. Его фильм «Возвращение в лоно Неба» был включен сборник лучших документальных фильмов Казахстана и Средней Азии, снятых в советский период и за годы независимости, который был выпущен в 2008 году. В фильме показано, что смерть для кочевого народа является целой философской категорией. С момента смерти человека и его погребения каждый ритуал имеет свое значение, и непрерывно связан с понятием времени, жизни и смерти в эстетике кочевников. И эта связь в фильме удачно передана посредством символов, метафор, музыкальных решений, хроникальными (документальными) и постановочными кадрами.

Тема национальных традиций и обычаев, поднятая в фильме «Возвращение в лоно Неба» нашли свое продолжение в фильмах «Священный порог», «Клятва», «Свидание», «Узы» снятых в последние годы. Мы видим, что методы отражения времени в изображении традиций, национального духовного мира в картинах Б. Гафу претерпели изменения по сравнению с фильмами 1960–1970-х годов. Если в художественной структуре документального кино советского периода историческое время ограничено в движении, то в фильмах «Возвращение в лоно Неба», «Клятва», «Свидание», «Узы» напротив, появляется свобода в отображении времени.

В изображении единства национального культурного наследия и исторического времени в документальном кино за годы независимости нарушается хронологическое движение времени, и изменяются его координаты и продолжительность. Свободное движение времени дает возможность вольного путешествия в глубинах истории и человеческой памяти. Это путешествие тесно связано различными способами векторного изменения времени, такими как отступление, временные «скачки», смешение разных частей времени, слияние мифического и реального времени. Например, подобное свободное движение времени мы можем наблюдать в фильме «Колыбельная» (Тал бесік), где совершается «путешествие» от реального времени к космическому. В этом фильме показано, что с момента рождения и кончины человека сопровождают различные национальные традиции и обычаи, что у человека есть две колыбели: одна – колыбель младенца («тал бесік»), другая – подземная колыбель («жербесік»). Главная тема фильма – отображение различных национальных традиций, сформированных на протяжении веков, переживших философское осознание, и сопровождающих человека при земной жизни.

В первое десятилетие независимости отображение исторического времени имело место не только в ки-

ноискусстве, но также и в театре, музыке, литературных произведениях. Известно, что в эти годы особое значение было уделено искусству айтыс. Е. Турсунов в статье «Художественное время и пространство в айтысе» осмысливает особенность понятия времени в искусстве айтыс, и пишет: «Время предков предстает активным составным компонентом настоящего времени повествования» [5, с. 47]. В самом деле, укрепление искусства айтыс в истории национальной культуры в 1990-х годах, тенденция, вытекающая из потребности народа в исторической памяти.

Казахское документальное кино этого периода стало уделять внимание фольклору, как отражению связи памяти народа с сегодняшним днем. Отчасти это было связано с особенностями изображения времени в фольклоре. «В казахском фольклоре время выступает как неделимое целое, как синтез прошлого и настоящего. Прошлое в такой же мере является настоящим, как и само настоящее, оно влито в сегодняшний день как неотъемлемая его часть. Предки, умершие много десятилетий или даже столетий назад, постоянно существуют в структуре сознания живых, помогая или, наоборот, противодействуя им», – пишет Е. Турсунов [5, с. 35–36].

Фольклорные произведения, в частности, легенды и сказания имели место в образной структуре документальных фильмов, и тем самым углублялись в истоки национального самосознания. Например, в фильме «Прикосновение» появление таких кюй, как «Аксак кулан», «Коркытата», связывается с историей появления древних казахских легенд. Посредством персона-

жа – музыки – национальная музыкальная культура рассматривается с точки зрения мировой гармонии. Также важность музыки имевшее место в древней традиции шаманизма сочетается с древними кюями, которые исполняются молодым человеком в наше время. В фильме укрепляется тесная связь между прошлым историческим временем и преемственностью поколений. Параллельное изображение мифического времени и современности имеет место в фильме «Бекет ата» (Святой Бекет, реж. А. Сулеева). Подобный метод характерен многим документальным фильмам.

Выводы

Отражение единства национального культурного наследия и исторического времени в казахском документальном кино прошло несколько периодов, и все они были тесно связаны с политическими и социальными явлениями, происходившими в стране. Эти социальные явления прямо повлияли на особенности движения экранного времени. Проведенное исследование позволяет нам сформулировать этапы становления казахского документального кино с точки зрения отражения исторического времени и утверждать, что: 1) первый этап связан с установлением советской власти в Казахстане, с идеологией и политикой социализма (1927–1930 гг.); 2) второй этап связан с отражением в документальном кино народной памяти и истории в условиях политической, социальной атмосферы Казахстана 1960 годов (1960–1970 гг.); 3) третий этап отражает процессы возвращения к истокам национального сознания, народной исторической памяти (1990–2020 гг.).

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Время и вечность // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение. Москва: Политиздат, 1990. С. 402–410.
2. Кривуля Н. Г. Лабиринты анимации. Исследование художественного образа российских анимационных фильмов второй половины XX века. Москва: Грааль, 2002. 296 с.
3. Ногербек Б. Экранно-фольклорные традиции в казахском игровом кино. Алматы: RUAN, 2008. 376 с.
4. Нурланова К. Ш. Традиции устной литературы в современной казахской прозе // Традиции и новаторство в художественном освоении действительности. Алматы: Наука Казахской ССР, 1981. 148 с.
5. Турсунов Е. Д. Художественное время и пространство в айтысе // Традиции и новаторство в художественном освоении действительности. Алматы: Наука Казахской ССР, 1981. 148 с.
6. Яковлев В. П. Социальное время. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1980. 160 с.

References

1. Berdiaev, N. A. (1990). *Vremia i vechnost'. Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov*, 402–410. Moskva: Politizdat.
2. Krivulia, N. G. (2002). *Labirinty animatsii. Issledovanie khudozhestvennogo obraza rossiiskikh animatsionnykh fil'mov vtoroi poloviny KhKh veka*, 296. Moskva: Graal'.
3. Nogerbek, B. (2008). *Ekranno-fol'klornye traditsii v kazakhskom igrovom kino*, 376. Almaty: RUAN.
4. Nurlanova, K. Sh. (1981). *Traditsii ustnoi literatury v sovremennoi kazakhskoi proze. Traditsii i novatorstvo v khudozhestvennom osvoenii deistvitel'nosti*, 148. Almaty: Nauka Kazakhskoi SSR.
5. Tursunov, E. D. (1981). *Khudozhestvennoe vremia i prostranstvo v aityse. Traditsii i novatorstvo v khudozhestvennom osvoenii deistvitel'nosti*, 148. Almaty: Nauka Kazakhskoi SSR.
6. Iakovlev, V. P. (1980). *Sotsial'noe vremia*, 160. Rostov-na-Donu: Rostovskii universitet.

Информация об авторе

Мукушева Назира Рахмановна – кандидат искусствоведения, профессор, Казахский национальный университет искусств, Нур-Султан, Республика Казахстан.

Information about the author

Nazira R. Mukusheva – candidate of art history, professor, Kazakh National University of Arts, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.

Поступила в редакцию / Received 25.03.2022

Принята к публикации / Accepted 14.06.2022

Опубликована / Published 21.06.2022

Национальные автономии народов Средней Азии в Поволжье: история создания и проблемы развития

DOI 10.31483/r-102803

УДК 304.4



Нагорнова Е. С.

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-4265-5369>, e-mail: nagornova96@mail.ru

Резюме: На протяжении столетий многие народы проживают на территории Поволжья, сохраняя свои культурные традиции и языки. Десятку многочисленных народов региона составляют русские, татары, башкиры, чувашы, мордва, марийцы, украинцы, казахи, армяне, азербайджанцы. Продолжают этническое многообразие удмурты, калмыки, коми-пермяки, евреи, немцы, таджики, узбеки и др. *Цель* статьи – систематизация истории формирования в Поволжье общественных объединений таджиков, узбеков и казахов. В качестве источников были использованы материалы из СМИ: федеральные законы РФ об автономиях, информация с официальных сайтов организаций и научные исследования по взаимоотношениям народов. На основе *метода* анализа документов выявлено, что в многонациональном регионе формирование единства народов является основополагающей задачей властей. При этом надо признать, что процесс этот достаточно сложный и требует совместных усилий государства и общества. Для реализации поставленной цели государством разрабатываются правовые документы и целевые программы, способствующие формированию принципов взаимоуважения и согласия в обществе. Например, «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021)». Сделан *вывод* о том, что необходимо и дальше продолжать работу по развитию общественных объединений с целью дальнейшего укрепления национального единства России, в частности Поволжья. В настоящее время, когда общество часто противопоставляет «своих» и «чужих», подобные организации жизненно необходимы.

Ключевые слова: народ, единство народов, автономия, общественная организация, государственная политика.

Для цитирования: Нагорнова Е. С. Национальные автономии народов Средней Азии в Поволжье: история создания и проблемы развития // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 21-25. DOI:10.31483/r-102803.

Research Article

National Autonomies of the Peoples of Central Asia in the Volga Region: The History of Creation and Problems of Development

Elena S. Nagornova

FSBEI of HE "Ulyanovsk State University of Education", Ulyanovsk, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-4265-5369>, e-mail: nagornova96@mail.ru

Abstract: For centuries, many peoples have lived in the Volga region, preserving their cultural traditions and languages. The ten numerous peoples of the region are Russians, Tatars, Bashkirs, Chuvashs, Mordovians, Maris, Ukrainians, Kazakhs, Armenians, Azerbaijanis. Ethnic diversity is continued by the Udmurts, Kalmyks, Komi-Permyaks, Jews, Germans, Tajiks, Uzbeks, etc. The *purpose* of the article is to systematize the history of the formation of public associations of Tajiks, Uzbeks and Kazakhs in the Volga region. Materials from the media were used as sources: federal laws of the Russian Federation on autonomies, information from the official websites of organizations and scientific research on the relationship of peoples. Based on the *method* of document analysis, it was revealed that in a multinational region, the formation of the unity of peoples is a fundamental task of the authorities. At the same time, it must be admitted that this process is rather complicated and requires the joint efforts of the state and society. To achieve this goal, the state develops legal documents and targeted programs that contribute to the formation of the principles of mutual respect and harmony in society. For example, «Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025», «National security strategy of the Russian Federation (2021)». It is *concluded* that it is necessary to continue the work on the development of public associations in order to further strengthen the national unity of Russia, in particular the Volga region. At present, when society often opposes «us» and «them», such organizations are vital.

Keywords: people, unity of peoples, autonomy, public organization, state policy.

For citation: Nagornova E. S. (2022). National Autonomies of the Peoples of Central Asia in the Volga Region: The History of Creation and Problems of Development. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 21-25. (In Russ.) DOI:10.31483/r-102803.

Введение

На протяжении столетий многие народы проживают на территории Поволжья, сохраняя свои культурные традиции и языки. Десятку многочисленных народов региона составляют русские, татары, башкиры, чувашы, мордва, марийцы, украинцы, казахи, армяне, азербайджанцы. Продолжают этническое многообразие удмурты, калмыки, коми-пермяки. Также в Поволжье проживают евреи, немцы,

таджики, узбеки и другие народы. Систематизация истории формирования в Поволжье общественных объединений таджиков, узбеков и казахов, является целью нашей работы.

Материалы и методы исследования

В качестве источников были использованы материалы из СМИ: федеральные законы РФ об автономиях, информация с официальных сайтов организа-

ций и научные исследования по взаимоотношениям народов. Основные выводы были сделаны на основе метода анализа документов.

Результаты исследования и их обсуждение

Позитивный результат диалога культур всех этих народов во многом достигается благодаря взаимодействию органов власти, национальных объединений и религиозных конфессий. В многонациональном регионе формирование единства народов является основополагающей задачей властей. При этом надо признать, что процесс этот достаточно сложный и требует совместных усилий государства и общества. Для реализации поставленной цели государством разрабатываются правовые документы и целевые программы, способствующие формированию принципов взаимоуважения и согласия в обществе. Например, «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021).

Этническая разнородность требует от российских властей хорошо продуманной и выверенной государственной политики. Сохранение культурных традиций и языка является естественным желанием и многочисленных, и малочисленных народов. Для реализации государственной национальной политики создаются такие формы общественных объединений как: Центр по развитию национальных культур, ассоциации, общины, землячества, национально-культурные автономии.

Среди них особо можно выделить национально-культурную автономию как важную форму в процессе этнокультурного самоопределения народов России и других стран. Они играют большую роль в национальной политике государства, которая состоит в сохранении культурно-этнического многообразия и предотвращении межнациональных конфликтов. Как и остальные государства, Россия «гарантирует право на создание национально-культурной автономии всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности, на национально-культурную автономию» [Федеральный, ст. 1].

Само понятие национально-культурной автономии дается как форма национально-культурного самоопределения, представляющее собой «объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов» [Федеральный, ст. 1].

С учетом их территориальной сферы деятельности указывают три вида национально-культурных автономий. Это местные, которые «могут образовывать региональную национально-культурную автономию граждан

Российской Федерации» [Федеральный, ст. 1], региональные – «могут создавать органы межрегиональной координации своей деятельности» [Федеральный, ст. 1], «на съезде могут учредить федеральную национально-культурную автономию при условии, «когда региональные национально-культурные автономии граждан, которые относят себя к определенной этнической общности, созданы в двух или более субъектах России...» [Климова, Обринская, 2019] и федеральные.

В качестве положительного примера можно привести деятельность казахов, по отношению к народам России довольно многочисленных и входящих в их десятку. Исторически сложилось, что казахи живут в «сопредельных территориях Российской Федерации: в Астраханской, Оренбургской, Тюменской, Омской, Самарской областях и Алтайском крае» [Национально-культурные, 2020].

Историю развития национально-культурной автономии казахов России можно проследить в составленной нами таблице 1.

Как видим по таблице, путь формирования национально-культурной автономии российских казахов был непростым и долгим. Корни зарождения и становления общественной организации уходят в 1997 г. Именно тогда впервые состоялось совещание казахских организаций России, результатом которого стала организация региональных автономий в Казани, Москве, Омске. Чуть позже в работу включается Самара и становится «столицей поволжских казахов». В 2005 г. после Всемирного курултая казахов в Казахстане в этом городе прошел съезд, в котором приняли участие 25 казахских общественных организаций. По результатам решения съезда был сформирован Координационный центр, основной функцией которого стало объединение российских казахов на территории России. А уже через год, в 2006 г., центр начал регистрацию общественных организаций. При этом юридического статуса он не имел. Тем не менее, центр продолжал работать в качестве неформального объединения казахов до создания в 2007 г. ФНКА. В настоящее время организация имеет собственный сайт [Федеральная].

Благодаря слаженной работе общественных организаций и государства в 2016 г. на территории России функционировали 44 национально-культурных автономий казахов: 12 региональных и 32 местных. Автономии функционировали в таких российских регионах, «как Алтайская республика, Ставропольский, Красноярский край, Волгоградская, Вологодская, Мурманская, Оренбургская, Челябинская, Новосибирская, Тюменская, Томская, Саратовская, Самарская области, Республика Татарстан, Москва, Санкт-Петербург, ХМАО, ЯНАО (всего их 19)» [Национально-культурные].

В настоящее время на территории Поволжья продолжают функционировать общественные объединения казахов (см. таблицу 2).

Процесс формирования общественных объединений вне территорий массового проживания коренных народов Поволжья (татар, чувашей, мордвы и др.) сложился к 2000 гг. Так, на территории Ульяновской области сформировались национально-культурные автономии татар, чувашей, мордвы.

Таблица 1

История развития ФНКА (Федеральная национально-культурная автономия) казахов в России

Table 1

The history of the development of the FNCA (Federal National and Cultural Autonomy) of Kazakhs in Russia

Год, город	Мероприятие	Инициаторы	Цель	Результат
1999, Омск	Совещание казахских организаций России	Областной казахский культурный центр «Молдир»	Создание на местах региональных казахских национально-культурных автономий	Создать не получилось, т. к. для создания ФНКА казахов России требовалось участие не менее половины региональных национально-культурных автономий
1997, Москва, Казань	Организация региональной автономии	Казахи России	Создание на местах региональных автономий	Создание региональных автономий
1998, Москва	Межрегиональное совещание «Обеспечение пути и реализация прав на сохранение и развитие казахского языка и казахской культуры в РФ»	Казахские общественные организации из 12 регионов России	Поднимался вопрос о создании ФНКА казахов России с центром в г. Москве	Предложение не было поддержано, т. к. большинство казахских организаций находятся в приграничных регионах. Поэтому было предложено создать центр ФНКА казахов в приграничном с Казахстаном регионе. Из-за нестабильной ситуации с русскими на территории Казахстана на тот момент было принято решение отложить создание ФНКА
1999, Омск	Организация региональной автономии	Казахи Омской области		
2000, Оренбург	Совещание российских казахов	Оргкомитет по созданию ФНКА казахов России	Создание ФНКА в г. Оренбурге	Руководство администрации Оренбургской области, посольство Казахстана, отдельные активисты казахских центров идею не поддержали
2005, Казахстан	Третий Всемирный курултай казахов	Представители властей Казахстана	Добиться единства казахских общественных организаций России, закрепление диалога между Казахстаном и отдельными общественными организациями	Было принято решение о проведении съезда казахских обществ в одном из регионов России
2005, Самара	Съезд казахских общественных организаций (присутствовало 25 казахских организаций из разных регионов России)		Создание координационного центра казахских общественных организаций России	Консолидация казахов России
2006, Самара	Регистрация Координационным центром казахских национально-культурных общественных организаций России	Казахские общественные организации	Закрепление центра как федерального центра казахов России	Центр не смог получить юридического статуса по причине недостаточного количества филиалов в России. Тем не менее он работал как неформальное объединение казахских обществ в России до формирования национально-культурной автономии в 2007 году

Таблица 3

Общественные объединения таджиков в Поволжье

Table 3

Public associations of Tajiks in the Volga region

Формирование общественных организаций народов Центральной Азии в России (таджиков, узбеков, казахов, киргизов) также приходится на эти годы. Национально-культурные автономии взяли на себя роль многофункциональных объединений, способствующих сохранению и своей национальной культуры, и укрепления единства народов, проживающих рядом.

Общественные организации народов Центральной Азии представлены как на территории Поволжья, так и на всей территории России. К примеру, общественные организации таджиков под разными названиями представлены во многих российских городах: Краснодаре, Ярославле, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Якутске и др. В числе межрегиональных и межнациональных организаций можно привести Волжско-Уральскую ассоциацию «Ваган», представительство Ассоциации таджиков и персоязычных народов мира по южному федеральному округу, Свердловскую общественную организацию «Ассоциация таджиков и персоязычных народов Урала «Пайванд». Около десяти организаций расположены в г. Москве («Землячество таджикистанцев», «Таджикский культурный центр» и т. д.) (см. таблицу 3).

Как и упомянутые выше народы (казахи и таджики), узбеки появились в России, в частности, в Поволжье, в перестроечные годы в результате миграционных процессов. В России узбекские общественные организации представлены на региональном уровне в форме локальных объединений, которые образуют местные узбекские диаспоры, и федеральном уровнях. В качестве организации федерального уровня можно привести созданный в Москве в 2011 году «Всероссийский конгресс узбеков, узбекистанцев», «объединяющий диаспоры 13 регионов России» [О Конгрессе].

Таблица 2

Общественные объединения казахов в Поволжье

Table 2

Public associations of Kazakhs in the Volga region

Название организации	Месторасположение организации
Федеральная национально-культурная автономия казахов России	г. Самара
НКА казахов Республики Татарстан «Казахстан»	г. Казань
Региональная казахская НКА «Ак жол»	г. Самара
Казахская НКА	г. Саратов
Ассоциация казахов Поволжья	г. Саратов
ООО «Культурный центр «Казахстан»	г. Саратов
ОООО «Ассоциация казахов Оренбуржья»	г. Оренбург
Оренбургское представительство Международного общества «Қазақ тілі»	г. Оренбург
Оренбургская общественная организация «Дом дружбы народов»	г. Оренбург

Название организации	Месторасположение организации
Общественная организация содействия развитию таджикской культуры «Ваган родина»	г. Тольятти
Национальная культурная ассоциация таджиков «Сомониён» («Саманиды»)	г. Казань
Общественный центр таджиков	г. Пермь
Региональная общественная организация таджиков и персоязычных народов «Пайванд»	г. Нижний Новгород

Общественные организации узбеков представлены в Поволжье в самых разных формах. Это и отдельные Центры по поддержке и развитию культур узбеков, и совместные Культурные центры дружбы народов. Они открыты и в республиканских (Ижевске, Чебоксарах, Уфе) и областных центрах (Пензе, Самаре, Саратове) (см. таблицу 4).

На территории Ульяновской области в 2006 г. также была зарегистрирована Ульяновская региональная узбекская общественная организация «Восток»

Таблица 4

Общественные объединения узбеков в Поволжье

Table 4

Public associations of Uzbeks in the Volga region

Название организации	Месторасположение организации
Региональная общественная организация по объединению узбеков «Узбекская община»	Пензенская область
УРОО УР «Узбекский национальный центр социальной поддержки и развития культуры «Азия плюс»	г. Ижевск
Общественная организация «Узбекский культурный центр Чувашской Республики»	г. Чебоксары
Региональная общественная организация «Узбекский национальный культурный центр «Алишер Навои»	г. Самара
Региональная общественная организация «Узбекский культурный центр «Согдиана»	г. Саратов
Региональная узбекская общественная организация «Восток»	г. Ульяновск
Культурный центр дружбы народов Узбекистана и Башкортостана	г. Уфа

(УРУОО «Восток»). По словам руководителя организации, большую часть членов организации составляют, «в основном, узбеки, для которых Ульяновская область стала уже родной» [Волжская 2007, с. 136].

Образованная организация объединила узбеков, таджиков, киргизов и других выходцев с Востока. Президентом УРУОО «Восток» стал Н. М. Эргашов, председателем Совета собрания – З. Д. Джумаев. В число членов организации вошли врачи, учителя, работники культуры и сферы образования. Отделения УРУОО «Восток» были открыты в районах области (Карсунском и Майнском районах). Целью организации стала адаптация выходцев с Востока к новым условиям, оказание материальной и социальной поддержки, организация традиционных национальных праздников. Также была выстроена работа по оказанию помощи старикам и инвалидам (взято шефство над домом престарелых).

Для организации более продуктивной работы руководство организации встречалось с консулом республики Узбекистан в России, в результате которого обсуждали задачи организации, будущие проекты и возможности ульяновских предприятий инвестировать в узбекскую экономику и наоборот. В 2007 г. делегация УРУОО «Восток» были в Ташкенте. На сегодняшний день организация продолжает функционировать в Ульяновской области.

Выводы

Общественные организации народов Центральной Азии (казахов, таджиков, узбеков) в России созданы как на федеральном, так и на региональном уровне. На практике представлены разные виды объединений: национально-культурные автономии, культурные центры, ассоциации и т. д. Эти организации имеют важное значение в межнациональном диалоге народов Поволжья. Они помогают народам адаптироваться к новым условиям, сохранять свои культурные традиции. При этом объединения активно участвуют в реализации государственной национальной политики России. Необходимо и дальше продолжать работу по развитию общественных объединений с целью дальнейшего укрепления национального единства России, в частности Поволжья. Отличия народов не должны их разъединять, нужно стараться укреплять дружбу между народами, обеспечивать комфортное соседство людям различных языковых групп и религий, чем общественные объединения и занимаются, осуществляя роль посредников между народом и властью. В наше беспокойное время, когда общество часто противопоставляет своих и чужих, подобные организации жизненно необходимы.

Список литературы

1. Волжская радуга. «Мы разные, но мы – вместе!» : сборник статей. Ульяновск : ООО «Регион-инвест», 2007. 142 с.
2. Климова Д. В., Обринская Е. К. Развитие национально-культурных автономий – необходимое условие формирования межнационального согласия (на примере Республики Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия : Юридические науки. 2019. № 2. С. 22–27.
3. Национально-культурные автономии Российской Федерации : научный сборник // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 155. Сер. II. 2020. 330 с.
4. О Конгрессе [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://vku-org.ru/o-kongresse/> (дата обращения : 12.03.2022).
5. Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. №336-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 4 Федерального закона «О национально-культурной автономии» [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://base.garant.ru/135765/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения : 12.03.2022).
6. Федеральная национально-культурная автономия казахов России [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://kazah.org/main> (дата обращения : 12.03.2022)

References

1. (2007). Volzhskaja raduga. "My raznye, no my - vmeste!", 142. Ulianovsk: ООО "Region-invest".
2. Klimova D. V., Obrinskaya E. K. (2019). The development of national and cultural autonomies is a necessary condition for the formation of interethnic harmony (on the example of the republic of Crimea) // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University*. Juridical science, 2, 22–27.
3. (2020). Natsional'no-kul'turnye avtonomii Rossiiskoi Federatsii : nauchnyi sbornik. *Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU*. Vyp. 155. Ser. II. 330.
4. Kongresse. (n.d.). Retrieved from : <https://vku-org.ru/o-kongresse/>
5. Federal'naia natsional'no-kul'turnaia avtonomiia kazakhov Rossii. (n.d.). Retrieved from <http://kazah.org/main>
6. Federal'nyi zakon ot 4 noiabria 2014 g. 336-FZ "O vnesenii izmenenii v stat'i 1 i 4 Federal'nogo zakona "O natsional'no-kul'turnoi avtonomii". Retrieved from <https://base.garant.ru/135765/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>

Информация об авторе

Нагорнова Елена Семеновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация.

Information about the author

Elena S. Nagornova – candidate of philological sciences, associate professor of the department of philosophy and cultural studies, FSBEI of HE "Ulyanovsk State University of Education", Ulyanovsk, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 07.06.2022

Принята к публикации / Accepted 29.06.2022

Опубликована / Published 29.06.2022

Судьба «традиции» в современном мире: сравнительный анализ концепций Э. Хобсбаума и Ш. Эйзенштадта

DOI 10.31483/r-102802
УДК 009+304.2+303.1



Обидина Ю. С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ROR
Нижний Новгород, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>, e-mail: basiley@mail.ru

Резюме: Противоречивые оценки характера и роли традиций в современном мире частично вытекают из различий использования термина; конкретные явления, которые находятся в центре внимания каждой точки зрения, отличаются в некоторых важных аспектах. Это открывает возможность того, что кажущиеся противоречивыми выводы о роли традиций в современных обществах могут быть согласованы. В статье рассматривается роль и влияние традиций для анализа современной социокультурной ситуации с точки зрения двух подходов: концепции изобретенной традиции Э. Хобсбаума и концепции множественных современностей Ш. Эйзенштадта. Цель статьи – дать сравнительный анализ двух подходов к традиции, показав, что современность не является культурно-нейтральным, универсальным социокультурным порождением, а формируется под влиянием множества традиций. На основе метода сравнительного анализа выявлено, что концепция множественных современностей Ш. Эйзенштадта, как и концепция изобретенной традиции Э. Хобсбаума, противоречат взгляду классической теории модернизации на современность как разрыв с традицией. Вместе с этим значение, которое Эйзенштадт придает традиции, заметно отличается от предложенного Э. Хобсбаумом. Сделан вывод о том, что с точки зрения теории множественных современностей изобретение новых традиций в современности лучше понимать как процесс трансформации и что реконструкция традиции – это не то же самое, что изобретение. В обоих случаях и для трансформации, и для реконструкции традиции важен социокультурный контекст.

Ключевые слова: изобретенная традиция, концепция множественных современностей, цивилизационный анализ, культурный поворот, Хобсбаум, Эйзенштадт, Арнасон.

Для цитирования: Обидина Ю. С. Судьба «традиции» в современном мире: сравнительный анализ концепций Э. Хобсбаума и Ш. Эйзенштадта // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 26-29. DOI:10.31483/r-102802.

Review Article

The Destiny of “Tradition” in the Modern World: A Comparative Analysis of the Concepts of E. Hobsbawm and S. Eisenstadt

Yulia S. Obidina

FSAEI of HE “National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod”,
Nizhniy Novgorod, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>, e-mail: basiley@mail.ru

Abstract: The conflicting assessments of the nature and role of traditions in the modern world stem in part from differences in the use of the term; the specific phenomena that are the focus of each perspective differ in some important respects. This opens up the possibility that seemingly contradictory conclusions about the role of traditions in contemporary societies can be reconciled. The article discusses the role and influence of traditions for the analysis of the modern socio-cultural situation from the point of view of two approaches: the concept of invented tradition by Eric Hobsbawm and the concept of multiple modernities by Shmuel Eisenstadt. The purpose of the article is to give a comparative analysis of the two approaches to tradition, showing that modernity is not a culturally neutral, universal socio-cultural product, but is formed under the influence of many traditions. Based on the method of comparative analysis, it was revealed that the concept of multiple modernities by Shmuel Eisenstadt, as well as the concept of invented tradition by Eric Hobsbawm, contradict the view of the classical theory of modernization on modernity as a break with tradition. At the same time, the meaning that Eisenstadt attaches to tradition differs markedly from that proposed by E. Hobsbawm. It is concluded that from the point of view of the theory of multiple modernities, the invention of new traditions in modernity is better understood as a process of transformation, and that the reconstruction of a tradition is not the same as invention. In both cases, both for the transformation and reconstruction of the tradition, the sociocultural context is important.

Keywords: invented tradition, the concept of multiple modernities, civilizational analysis, cultural turn, Hobsbaum, Eisenstadt, Arnason

For citation: Obidina Yu. S. (2022). The Destiny of “Tradition” in the Modern World: A Comparative Analysis of the Concepts of E. Hobsbawm and S. Eisenstadt. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 26-29. (In Russ.) DOI:10.31483/r-102802.

Введение

Судьба традиции в современном мире стала неожиданно постоянной проблемой в анализе современной социокультурной ситуации. По-видимому, в стороне от классической теории модернизации, где современное общество и культура были определены как разрыв с традицией, интерес к природе и роли традиции в

современности вернулся в качестве центральной проблемы в ряде научных исследований. Тезис детрадиционализации придает традиции еще не исчерпанное присутствие в современности [Beck, 2002; Giddens, 1991]. Традиция также вновь вступила в дебаты с понятием «изобретение традиции», выдвинутым британским историком Э. Хобсбаумом [Хобсбаум, 2000].

В явной оппозиции теории модернизации Э. Хобсбаум утверждает, что традиции не ограничиваются традиционными обществами, но также имеют место в обществах современных. По его мнению, наиболее важной чертой традиционности в современном мире является преднамеренное создание традиций новыми социальными и политическими силами. Социальная дислокация, связанная с появлением современности, создала ситуацию, в которой социальные модели и культурные конструкты, для которых были разработаны старые традиции, были ослаблены, а новые были сознательно созданы появляющимися общественными силами, чтобы заполнить пустоту [Hobsbawm, 1992, с. 4–5]. Присутствие и влияние традиции в современности также является центральной темой в возникшей концепции «множественных современностей» Ш. Эйзенштадта [Эйзенштадт, 1999; Eisenstadt, 2002]. Этот подход также явно противоречит взгляду классической теории модернизации на современность как разрыв с традицией, но значение, которое он придает традиции, заметно отличается от предложенного Э. Хобсбаумом. Традиции, которые больше всего интересуют Ш. Эйзенштадта, – это традиции, которые определяют и дифференцируют цивилизации. Вопреки идее о том, что современность является культурно-нейтральным, универсальным социокультурным порождением, утверждается, что разнообразие цивилизационные традиции формируют современные реалии и образуют многочисленные формы современности. Цель статьи – дать сравнительный анализ двух подходов к традиции, выделив общее и особенное в процессе влияния на современность.

Материалы и методы исследования

Противоречивые оценки характера и роли традиций в современном мире частично вытекают из различий использования термина; конкретные явления, которые находятся в центре внимания каждой точки зрения, отличаются в некоторых важных аспектах. Это открывает возможность того, что кажущиеся противоречивыми выводы о роли традиций в современных обществах могут быть согласованы. Однако такое примирение требует достаточно всеобъемлющей структуры, чтобы учесть весь спектр явлений, охватываемых этими точками зрения. На основе этого сравнительного анализа можно утверждать, что концепция множественных современностей может объяснить изобретение традиций путем релятивизации некоторых ее утверждений, в то время как исключительный акцент на идее изобретения традиций имеет тенденцию затенять более фундаментальное влияние традиций на современные формы общественной и культурной жизни.

Результаты исследования и их обсуждение

Э. Хобсбаум пишет не о традициях в целом, а об изобретенных традициях. По его мнению, под ними следует понимать «набор практик, регулируемых правилами символической природы, которые стремятся привить ценности и нормы поведения путем повторения» [Hobsbawm, 1992, с. 1]. Для Э. Хобсбаума наиболее значительными характеристиками традиций

являются их недавнее и сознательное построение и их искусственные ссылки на прошлое. Несмотря на их притязания на давний исторический прецедент, изобретенные традиции, которыми интересуется Э. Хобсбаум, являются современными разработками, и, будучи далеко не органически связанными с унаследованными способами ведения дел, они опираются на упражнения в социальной инженерии, которые часто являются обдуманно и всегда инновационными.

В тех случаях, когда Э. Хобсбаум целенаправленно говорит о подкатегории традиций, которые изобретены в современности, основной темой перспективы множественных современностей является влияние традиций различных цивилизаций на современные социокультурные реалии.

Возникший в рамках «цивилизационного анализа» акцент на постоянное влияние традиций на современность возник как часть культурного поворота, который стремился исправить давнее пренебрежение ролью и значением культуры в общественной жизни и поставить себя в явную оппозицию функционалистским предположениям, оставившим мало места для культурного творчества, а также его однолинейной и эволюционистской концепции модернизации как универсального процесса с единым исходом [Цивилизационные, 2021, с. 5; Эйзенштадт, 1999; Eisenstadt, 2002]. Отвергнув определения, сформулированные исключительно с точки зрения структурной дифференциации, цивилизационный анализ отводил центральное место культурным ориентациям в конституции современности. Анализ западной современности – как первой, так и на сегодняшний день наиболее влиятельной в мире модели – определил возникновение новых концепций человеческой автономии и свободы действий как ключевое развитие в этом отношении и подчеркнул разделение этих новых культурных ориентаций в концепции «рационального мастерства», с одной стороны, и выразительности и самоанализа – с другой. В перспективе также утверждается, что эти культурные ориентации структурируют институциональные сферы, которые становятся дифференцированными в современности.

Культурные ориентации, которые одушевляют современность, понимаются как заложенные в конкретных традициях, прежде всего в тех, что ассоциируются с просвещением и романтизмом. И широкие ориентации, и их более конкретные воплощения воспринимаются как традиции с глубокими корнями в современном мире. Современные концепции человеческой автономии рассматриваются как радикализация культурных предпосылок, впервые введенных тогдашним новым и исторически весьма значимым различием между трансцендентным и светским миром в осевой период [Хобсбаум, 2000, с. 7]. В то же время разнообразные цивилизационные традиции оказывают формирующее влияние на современные социальные и политические конфигурации; западные традиции являются составной частью всех форм современности, но их влияние во всем мире было в значительной степени обусловлено их взаимодействием с другим цивилизационным наследием.

В основе этих различных интересов к традиции лежат различные наборы предположений о том, что такое традиции. Для обоих подходов традиции – это практики с символическим значением, которые имеют длинную историю и различные степени влияния в разных обществах, но помимо этой общей отправной точки можно выделить и важные различия. Первоначальное различие заключается в большей дифференциации концепции «множественных современностей». Для Э. Хобсбаума традиции едины; они представляют собой отдельные наборы практик с конкретными символическими функциями, которые по большей части мобилизованы в разделенных доменах многократной модернизацией. С другой стороны, с точки зрения перспективы, с самого начала выделяются два аспекта традиции, очевидные в раннем определении Ш. Эйзенштадта – традиции как рутинизированной символизации моделей социального и культурного порядка [Эйзенштадт, 1999; Eisenstadt, 2002].

Это различие между двумя компонентами очень важно, поскольку оно позволяет с точки зрения множественных современностей различать использование традиций для легитимации социальных, политических и культурных порядков и той роли, которую традиции играют в формировании фундаментальных культурных ориентаций и социальных конфигураций. Как указывает Ш. Эйзенштадт, с этой точки зрения то, что обычно принимается за сущность традиции – отстаивание критериев святости прошлого и происхождения – является лишь одним из компонентов традиции [Эйзенштадт, 1999]. Второе отличие касается относительного веса и концептуального порядка символических и практических компонентов; для Э. Хобсбаума традиции – это практики, выполняющие «ритуальную или символическую функцию» [Hobsbawm, 1992, с. 3], в то время как для перспективы множественных современностей они, с точки зрения Ш. Эйзенштадта, являются рутинизированными символизациями. Однако в основе этого изменения акцента лежит отличительное понимание культуры и ее роли в формировании социальной и политической жизни.

Ключевым моментом здесь является герменевтический подход к паттернам смысла, ориентирующих общественную жизнь, который приводит к пониманию самих формирующих культурных ориентаций как «традиций», воспринимаемых как слабо определенные паттерны смысла, открытые для рутинизации и разнообразных практик. Этот подход наиболее четко выражен в исследованиях Й. Арнасон [Цивилизационные, 2021; Arnason, 2003]. Важно отметить, что использование Й. Арнасон герменевтического подхода подчеркивает не только формирующее влияние культурных рамок, но и их пластичность. Й. Арнасон опирается на концепцию эффективной истории Г.-Г. Гадамера, утверждая, что культурные ориентации заложены в социальных практиках и отчасти являются их составляющими институтами, но в равной степени они всегда открыты для новой интерпретации в новых исторических обстоятельствах [Arnason, 2003, с. 151]. В то же время герменевтический подход позволяет сделать акцент на

гибкости культурных ориентаций; в этом случае Й. Арнасон принимает понятие Поля Рикёра о конфликте интерпретаций, чтобы подчеркнуть встроенную множественность всех символических паттернов и их постоянную открытость не только для новой, но и противоречивой интерпретации.

Герменевтический облик структуры множественных современностей также вступает в игру в связи с еще одним различием между двумя подходами, который касается, в частности, исторической пластичности традиций. В этом вопросе есть много неясностей в концептуализации Э. Хобсбаума. С одной стороны, традиции Э. Хобсбаума по определению характеризуются жесткостью; «объектом и характеристикой традиций является инвариантность» [Hobsbawm, 1992, с. 2]. Он подчеркивает этот момент, противопоставляя традиции обычаю. Обычаи, доминирующие в традиционных обществах, стабильны и податливы; они не исключают инновации, но дают желаемым изменениям разрешение прецедента. Когда он отличает не выдуманные традиции от изобретенных, он, однако, подчеркивает силу и адаптивность подлинных традиций [Hobsbawm, 1992, с. 8], а также их органическую преемственность с прошлым, что противоречит искусственной преемственности в характеристике изобретенных традиций [Hobsbawm, 1992, с. 2]. Как утверждают даже его сторонники, дихотомизирующая структура Э. Хобсбаума подлинных и «изобретенных» традиций не соответствует спектру традиций и, что важно, скрывает именно те, которые в наибольшей степени свидетельствуют о пластичности; адаптированные и синкретические традиции являются важными пограничными случаями, которые плохо укладываются в дуалистическую структуру.

В отличие от этого, трансформация традиций является ключевой для понимания многовариантности их непреходящего влияния на современность. Вместо того чтобы утверждать, что они сохраняются без изменений, подчеркивается, что современность радикально трансформирует традиции, однако, не устранив их. Речь идет не о преемственности определенных верований, ценностей, норм или ритуалов, а скорее идентифицируемых, хотя и полиморфных, моделей, действующих во времени.

Выводы

Даже этот краткий анализ позволяет сделать вывод, что более широкое понимание концепции множественных современностей и более дифференцированное понимание традиции обеспечивают важный контекст для изобретения традиций, и предполагают, что без него акцент на изобретении традиции может неправильно истолковать ее действие в современности. С точки зрения множественных современностей, изобретение новых традиций в современности лучше понимать как процесс трансформации. Ш. Эйзенштадт, как и Э. Хобсбаум, видит в кристаллизации новых традиций, которые находятся в центре анализа Э. Хобсбаума, ответы на проблемы, возникшие в результате разрушения традиционной легитимации социально-политических

и культурных порядков [Эйзенштадт, 1999]. Важно отметить, что процессы, которые ослабили один аспект традиции – легитимация социальных, политических и культурных порядков – привели к непрерывному процессу реконструкции других аспектов традиции [Эйзенштадт, 1999]. И что важно, реконструкция – это не то же самое, что изобретение. В связи с этим Й. Арнасон утверждает, что идея изобретения традиции упускает важный момент, поскольку не признает, что, хотя конкретное содержание может быть «изобре-

тено», исторический горизонт традиции как таковой отсутствует [Arnason, 2003]. Хотя определенные традиции могут быть изобретены, они всегда создаются в определенных культурных «мирах» в определенных исторических точках. Эти более широкие социокультурные контексты обеспечивают параметры того, что изобретено. Иными словами, изобретенные традиции строятся из культурно и исторически расположенных компонентов, и важно признать специфику и влияние этих более широких контекстов.

Список литературы

1. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Арнасон Йохан ; перевод с английского Александр Степанов, Михаил Масловский, Дмитрий Карасев, Юлия Прозорова. Москва : НЛЮ, 2021. 304 с.
2. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
3. Эйзенштадт, Шмуэль Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / перевод с английского А. В. Гордона; науч. ред. пер. Б. С. Ерасов. Москва : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
4. Arnason J. *Civilizations in Dispute: Theoretical Questions and Historical Traditions*. Leiden: Brill, 2003. 381 p.
5. Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*. London; Thousand Oaks; New Delhi : SAGE Publications Ltd, 2002. 221 p.
6. Eisenstadt S. N. *Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. BRILL, 2002. P. 27–42.
7. Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge : Polity Press, 1991. 256 p.
8. Hobsbawm E. Terence Ranger : *The Invention of Tradition*. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 322 p.

References

1. (2021). *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy*, 304. Arnason Iokhan ; Moskva : NLO.
2. Khobsbaum, E. (2000). *Izobretenie traditsii. Vestnik Evrazii*, 1, 47-62.
3. Eizenshtadt, & Shmuel', N. (1999). *Revoliutsiia i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii*, 416. Moskva : Aspekt Press.
4. Arnason, J. (2003). *Civilizations in Dispute: Theoretical Questions and Historical Traditions*, 381. Leiden : Brill.
5. Beck, U., & Beck-Gernsheim, E. (2002). *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*, 221. London; Thousand Oaks; New Delhi : SAGE Publications Ltd.
6. Eisenstadt, S. N. (2002). *Some Observations on Multiple Modernities. Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. P. 27-42. BRILL.
7. Giddens, A., & Modern, A. (1991). *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late*, 256. Cambridge : Polity Press.
8. Hobsbawm, E. (1992). *Terence Ranger : The Invention of Tradition*, 322. Cambridge : Cambridge University Press.

Информация об авторе

Обидина Юлия Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», руководитель образовательной программы «Культурное проектирование и межкультурное взаимодействие: культурная политика, туризм, выставочная деятельность» Нижний Новгород, Российская Федерация.

Information about the author

Yulia S. Obidina – doctor of philosophical sciences, associate professor, professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of International Relations and World History of FSAEI of HE “National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod”, head of the educational program “Cultural design and intercultural interaction: cultural policy, tourism, exhibition activities”, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 07.06.2022

Принята к публикации / Accepted 29.06.2022

Опубликована / Published 30.06.2022

Наступление нового года по народным календарям таджиков

DOI 10.31483/r-102791

УДК 394.21(575.3)

Рахими Д. К.

Научно-исследовательский институт культуры и информации
при Министерстве культуры Республики Таджикистан,
Душанбе, Республика Таджикистан.

 <https://orcid.org/0000-0002-9358-1056>, e-mail: dilshodr@gmail.com



Резюме: Статья посвящена вопросам традиционного календаря таджикского народа. Цель статьи – рассмотреть традиционные способы определения наступления сезонов и месяцев у горных таджиков на основе использования метода теоретического анализа. Выявлено, что основными способами определения наступления нового года были: расчет по иранскому солнечному календарю (вхождение солнца в созвездие Овна); календарь «солнце в человеке» (приход солнца в знак «сердца»); наблюдение за появлением звезд в определенном месте; достижение тени от солнца вершин, скал и камней; восход или закат за знаком (за пиками, скалами, щелями); появление солнечного света через щели (окна, трещины, камни с отверстиями); фенологические или поведенческие наблюдения за животными, а также за ростом весенних растений и цветов (трясогузки, аисты, ласточки, куропатки, кошки, жуки). В заключение делается вывод о том, что в прошлом в разных горных регионах у таджиков были свои календари и месяцесловы, основанные на наблюдениях за круговоротом Солнца и Луны, планет и звезд; на восприятии природных и техногенных особенностей – например, падения теней на предметы в определенные точки, миграции животных и птиц и поведения животных. Опыт и наблюдения передавались из поколения в поколение, открывались некоторые природные закономерности и составлялись различные календари. Однако вместе с введением лунного и солнечного календарей, а затем и григорианского календаря, народные календари просуществовали до середины двадцатого века, а некоторые из них даже сохранились до наших дней.

Ключевые слова: таджики, весеннее равноденствие, Навруз, народные календари, приметы.

Для цитирования: Рахими Д. К. Наступление нового года по народным календарям таджиков // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 30-33. DOI:10.31483/r-102791.

Review Article

The Start of the New Year According to the National Calendars of the Tajiks

Dilshod K. Rakhimi

Scientific Research Institute of Culture and Information
under the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan,
Dushanbe, Republic of Tajikistan.

 <https://orcid.org/0000-0002-9358-1056>, e-mail: dilshodr@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the issues of the traditional calendar of the Tajik people. The purpose of the article is to consider the traditional ways of determining the onset of seasons and months among mountain Tajiks based on the use of the method of theoretical analysis. It was revealed that the main ways to determine the onset of the new year were: calculation according to the Iranian solar calendar (the entry of the sun into the constellation Aries); calendar «the sun in man» (the arrival of the sun in the sign of the «heart»); observing the appearance of stars in a certain place; reaching the shade from the sun peaks, rocks and stones; sunrise or sunset behind the sign (behind peaks, rocks, cracks); the appearance of sunlight through cracks (windows, cracks, stones with holes); phenological or behavioral observations of animals, as well as the growth of spring plants and flowers (wagtails, storks, swallows, partridges, cats, beetles). It is concluded that in the past, in different mountainous regions, the Tajiks had their own calendars and calendars based on observations of the cycle of the Sun and Moon, planets and stars; on the perception of natural and man-made features – for example, the fall of shadows on objects at certain points, the migration of animals and birds, and the behavior of animals. Experience and observations were passed down from generation to generation, some natural patterns were discovered and various calendars were compiled. However, along with the introduction of the lunar and solar calendars, and later the Gregorian calendar, vernacular calendars survived until the mid-twentieth century, and some of them even survive to this day.

Keywords: Tajiks, spring equinox, Navruz, folk calendars, omens.

For citation: Rakhimi D. K. (2022). The Start of the New Year According to the National Calendars of the Tajiks. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 30-33. (In Russ.) DOI:10.31483/r-102791.

Введение

На протяжении истории человечества было создано множество календарей и хронологий, которые дополняли друг друга или были ступенью для создания более точного календаря. С незапамятных времен, когда еще не существовали точные календари, таджикский народ определял времена года, весеннее и осеннее равноденствия и время суток, наблюдая повторение природных явлений, вращение небесных тел и поведение животных. Опыт и наблюдения передавались из поколения в поколение, открывались некоторые природные

закономерности и составлялись различные календари. Однако, вместе с введением лунного и солнечного календарей, а затем и григорианского календаря, народные календари просуществовали до середины двадцатого века, а некоторые из них даже сохранились до наших дней.

Таджикский народ, время равноденствия или весеннего равноденствия, наступление Навруза определял по многим признакам. В больших и малых городах, где население было более образованным, в основном обращались к лунным и солнечным календарям. Однако

население горных поселений и районов использовало традиционные природные календари для определения времени суток.

Наступление года и Навруза меняются ежегодно на несколько часов. Весеннее равноденствие наступает, когда день и ночь становятся равными по времени. Согласно исследованию ученых-естествоиспытателей, весеннее равноденствие совпадает с 63,6% в день 20 марта, 32,8% в день 21 марта и 3,6% в день 19 марта [Heydari-Malayeri, с. 3].

Материалы и методы

Материалом для обзорного исследования послужили труды известных историков и этнографов, таких как М. С. Андреев, Н. Кисляков, М. Рахимов, И. Мухиддинов, У. Джахонов, М. Забаров, М. Холов, Р. Ахмадов, Н. Шакармамадов, М. Эшонкулов и др., в которых находятся ценные историко-этнографические сведения и рассматриваются значение и место календарей в жизни горцев. На основе метода теоретического анализа выявлены основные способы определения наступления нового года, смены сезонов и времени года.

Результаты и их обсуждение

В прошлом в разных горных регионах у таджиков были свои календари и месяцесловы, основанные на наблюдениях за круговоротом Солнца и Луны, планет и звезд, природных и техногенных особенностей, падения теней на предметы в определенные точки, миграцией животных и птиц и поведение животных.

Календарь «солнце в мужчине». Одним из особых календарей жителей Бадахшана в Таджикистане является календарь «солнца в мужчине» на языке местных жителей хирпичор. Исчисление времени по органам человеческого тела (мужчины) – одно из древнейших в Таджикистане, зафиксированная этнографами в Каратегине, Дарвазе, Вандже, Язгуломе, Ишкашима, Рушане, Шугнана, Вахоне, а также у таджиков Ферганской долины (Сох). Этот вид календаря использовался таджиками в Афганистане и даже в Пакистане. Также жители этих регионов называют его именами «хисоби мард», «офтоб дар мард», «панчохи мард», «нишонхо» («мужской расчет», «солнце в человеке», «пятьдесят человек», «знаки») и т. д. Согласно этому календарю, солнце остается в каждой части тела в течение нескольких дней. Например, три дня на поясе, три дня в коленях, три дня в ногах и ногтях и т. д. [подробнее см.: Холов, 2006; Андреев, 1958, с. 155].

По мнению таджиков бассейна реки Хингоб, Навруз наступает, когда солнце входит в знак «дил» (сердце). Этот период длился три дня и отмечался как Соли нав (новый год) или Сари сол (начало года) [Рахимов, 1957, с. 75]. По словам жителей некоторых селений, Навруз приходится на период «камар» (поясница) или «кордафсон» (бедро). Согласно этому календарю, большинство людей начинали или заканчивали заниматься сельским хозяйством. Некоторые сезонные обряды и ритуалы проводились по этому календарю.

В Бадахшане, где широко использовался и используется календарь «солнце в человеке» (хирпичор), знак «сердца» также считается временем наступления нового года [Шакармамадов, 2003, с. 11].

Звезды как знак определения наступления весны. С древних времен таджикский народ, наблюдая вращение планет, положение созвездий и звезд, соотношение их расположения, определяли сезон и время года. Особенно, наступление нового года, и другие счастливые и неудачные дни жизни жители горных селений отмечали по наблюдениям за небесными светилами.

В селах Ушхарв и Шкев Дарвозского района рано утром, перед рассветом, люди смотрели на запад, в сторону знака на горе «Наврузгох» и ждали появления трех ярких звезд. Если бы эти звезды появлялись, то наступление нового года подтверждалось, и люди праздновали бы Навруз семь дней» [Таджики, с. 195].

Подобная вершина Наврузгох также располагалась в бассейне реки Хингоб, с которой жители близлежащих селений наблюдали весеннее равноденствие. Когда весной сравнивались день и ночь, говорили: «афтоб дар хунаи бахор раси» (солнце вошло в свой дом) и «шаву руз яг гараменд» (день и ночь сравнялись). Люди считали, что в эти дни солнце стояло в одной точке три дня, а затем движется на север [Холов, 2006, с. 79].

Жители Калаи Лаби Об в Каратегина также наблюдали появления трех звезд на западе во время Навруза. По их словам, Солнце оставалось в первой звезде один день, на средней звезде (второй) – два дня, а на последней звезде (третьей) – один день (всего 4 дня). После этого зима подходила к концу, входила весна и праздновался Навруз.

Жители бассейна реки Хингоб, как и селений Каратегин и Дарваз, утром наблюдали, как на западе появляются три яркие звезды. Для этого было выбрано особое место, которое называлось «Наврузгох» или «нишнонагох», то есть «место Навруза». Если эти три звезды появлялись, они думали, что наступил Навруз, а если не появлялись, то продолжали наблюдать. После полного появления этих трех звезд в этих селах праздновали Навруз [Рахимов, 1957, с. 77].

Падение лучи солнца на определенные точки. Другой способ установления наступления нового года среди горцев – это наблюдение за движением солнца и падением его света в определенные точки. В основном, движение Солнца наблюдалось в отмеченных местах в горах, на вершинах, деревьях, скалах и т. д., за которыми солнце садилось или восходило. Количество дней в году определялось не только восходом и закатом солнца, но и тенями гор в определенных местах, а также приходом солнечного света из окон к различным знакам традиционных домов и т. д. Один из старожилков кишлака Сорджи Рошткалинского района Худоёров Файзулло, которому 85 лет, рассказал: «Когда солнце светит прямо из окна в дом, и освещает главный столб в доме, говорят, что «солнце упало на человека», то есть солнце взошло, и мы можем готовиться к Наврузу» [9 Шакармамадов, 2011, с. 10].

Этнограф Н.А. Кисляков, исследуя летоисчисление жителей Тавильдаринского района, писал: «годовой

оборот солнца отмечался специальными знаками внутри дома. Эти знаки определялись касанием солнечного света, падающего из окна на крыше внутрь дома» [Кисляков, 1947, с. 113]. Подобные знаки наблюдали М.С. Андреев, А.А. Половцев в Вахоне и Ишкашиме. Жители этой местности называли солнце точкой определения сезона и времени суток «офтобнишон» [Андреев, 1911, с. 27].

В долине Хуф наступление нового года определялась по тень от пика Чирок. Если тень от этой вершины, двигавшаяся весной в долине снизу вверх, сначала достигала кладбища Одна-Маджад, что означало начало нового года. В селе Вистудж наступление Навруза понималось падением тени пика Чирок на кошаре Курбонмахмад, расположенной у дороги из Адар-чода до Бисчифа, недалеко от кладбища Одна-Маджад [Андреев, 1958, с. 162–163].

В западной части села Сафедорон Тавильдаринского района находится вершина Наврузгох, которая расположена по направлению с юга на север. С незапамятных времен люди наблюдали, что солнце садится в разное время года. Общественным местом для наблюдения за движением солнца была деревенская мечеть. На западной стене мечети, немного ниже потолка, было два небольших окна, называемых «дарича», а на восточной стене было окошко. Эти окна использовались не только для проникновения света и в качестве дымохода, но и для наблюдения за восходом и закатом. Из этих окон можно было видеть восход и закат в день весеннего равноденствия (а также осенью). Когда солнце достигало середины Наврузгох, люди считали, что пришел конец зимы, и наступило весеннее равноденствие. Эти дни приходились приблизительно на 21–22 марта, и люди отмечали этот день как Сари Сол (Начало года) или Навруз [Рахимов, 1957, с. 80].

По мнению этнографов М. Рахимова и Н. Кислякова, такая вершина или точка Наврузгох устанавливались во многих местах, в том числе в Тавилдаре, Дарвазе и Каратегине. По словам М. Эшонкулова, в местности Кухи Дарвеш в Зерафшане (Пенджикент) есть щель, которую в народе называют «Наврузгох». В конце зимы люди могли видеть восходящее солнце в этой щели. Как только они видели солнце сквозь щель, это считался первым днем Навруза [Эшонкулов, 2007, с. 392].

В кишлаке Ямги Ишкашимского района есть камень, который в народе называют «камнем, видящим солнце». Он был построен местным просвещенным деятелем Мубораккадамом Вахони в конце XIX века. Этот каменное сооружение находится на плоскости, с отверстием посередине размером с диаметр чаши. Наблюдатель становится за ним на колени и смотрит в дыру на север, на холм, над которым находится, построенное из прямоугольных камней окно. Если солнце будет видно через окно, люди делают вывод, что Навруз уже наступил. Это наблюдение ведется людьми только с 18 по 21 марта.

Подобное сооружение есть в селе Рини Ишкашимского района. По сведениям И. Мухиддинова: «время наступления Навруза определялось по движению

солнца относительно двух пиков, имевших округлую форму. На восходе солнца лучи наблюдались на востоке, на вершинах горы Бахшга, а на закате свет солнца наблюдался на западе, на пике Нейтсим» [Мухиддинов, 1989, с. 137].

Таких знаков в таджикских горных селениях существовало много, и до появления григорианского календаря находились в пользовании. Однако следует отметить, что такие солнечные методы расчета времени были возможны только в солнечные дни, и не применялись в пасмурные и дождливые дни.

Наблюдения и определение времени по сезонной миграции и поведению животных. Другой традиционный способ определения наступления сезонов и месяцев, времени работ основывался на наблюдении за поведением животных. Наряду с наблюдением за небесными телами и вращением солнечной тени в определенных местах таджикский народ также наблюдал за миграцией птиц и животных и определял наступление весны. Эти фенологические наблюдения использовались для определения времени наступления весны, начала сельскохозяйственных работ, посева сельскохозяйственных культур, животноводства, садоводства и т. д. Например, жители селений бассейна реки Хингоб ранней весной наблюдали за полетом маленькой птички – санговдавак (трясогузки). В эти дни также прилетала еще одна птица – шохник, появлялся маленький черный жук – говак, желто-черные цветы – гули чогузак.

В древности в других городах и районах Средней Азии аист был вестником весны. Как отмечает Е.К. Боровкова: «Аист приносил из дальних стран весну, радость и счастье... С прилетом аиста начинались сельскохозяйственные и другие работы. Поэтому люди с нетерпением ждали его прилета и сочиняли множество песен и поверий о прилете аиста» [Боровкова, 1928, с. 43].

О Наврузе существует множество поверий и представлений, которые требуют отдельного исследования.

Выводы

На основе приведенных выше материалов и исследований можно разделить методы определения нового года на следующие группы:

1. Расчет по иранскому солнечному календарю (вхождение солнца в созвездие Овна).
2. Календарь «солнце в человеке» (приход солнца в знак «сердца»).
3. Наблюдение за появлением звезд в определенном месте.
4. Достижение тени от солнца вершин, скал и камней.
5. Восход или закат за знаком (за пиками, скалами, щелями).
6. Появление солнечного света через щели (окна, трещины, камни с отверстиями).
7. Фенологические или поведенческие наблюдения за животными, а также за ростом весенних растений и цветов (трясогузки, аисты, ласточки, куропатки, кошки, жуки).

Таким образом, у горных таджиков календари и месяцесловы, определение времени наступления Нового года и связанные с ними поверья имеют долгую историю и дошли до наших дней, сохранив свои функции. Хотя в древнеиранских календарях были високосные дни, новый год наступал на 5–6 дней

раньше, а день наступления Навруза объявлялся каждый позже или раньше. Однако в традиционных таджикских календарях на основе движения солнца, по теням предметов и появления определенных знаков было более точным.

Список литературы

1. Андреев М. С. Таджики долины Хуф: верховья Аму-дарьи / под ред. А. К. Писарчик. Выпуск II. Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1958. 528 с.
2. Андреев М. С., Половцов, А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишканим и Вахан. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1911. 48 с.
3. Боровкова Е. К. Аист и связанные с ним приметы и поверья у местного населения // Сборник научного кружка при Восточном факультете Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1928. Вып. I. С. 33–41.
4. Кисляков Н. А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу // Советская этнография. 1947. № 1. С. 108–125.
5. Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира. Кн. 1. Душанбе: Дониш, 1989. 176 с.
6. Рахимов М. Р. Исчисление времени у таджиков бассейна река Хингоу в XIX – начале XX века // Советская этнография. 1957. № 2. С. 73–88.
7. Таджики Каратегина и Дарваза / под редакцией Н. А. Кислякова, А. К. Писарчика. Выпуск 1. Душанбе: Дониш, 1966.
8. Холов М. Таквимҳои кишоварзии тоҷикони кӯњистон. Душанбе: Ирфон, 2006. 132 с.
9. Шакармамадов Н. Ойинҳои наврӯзи дар Бадахшон. Хоруғ: Логос, 2011. 100 с.
10. Шакармамадов Н., Шакармамадов О. Наврӯзи Бадахшон. Хоруғ: Маърифат, 2003. 46 с.
11. Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда: с древнейших времен до начала XX в. Душанбе: Деваштич, 2007. 848 с.
12. Heydari-Malayeri M. A concise review of the Iranian calendar. Paris Observatory homepage [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://aramis.obspm.fr/~heydari/divers/ir-cal-eng.html>

References

1. Andreev, M. S. (1958). Tadjhiki doliny Khuf: verkhov'ia Amu-dar'i, 528. Stalinabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Tadjhikskoi SSR.
2. Andreev, M. S., & Polovtsov, A. A. (1911). Materialy po etnografii iranskikh plemen Srednei Azii: Ishkashim i Vakhani, 48. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk.
3. Borovkova, E. K. (1928). Aist i sviazannnye s nim primety i pover'ia u mestnogo naseleniia. *Sbornik nauchnogo krushka pri Vostochnom fakul'tete Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. I, 33–41. Tashkent.
4. Kisliakov, N. A. (1947). Starinnye priemy zemledel'cheskoi tekhniki i obriady, sviazannnye s zemledeliem, u tadjhikov basseina reki Khingou. *Sovetskaia etnografiia*, 1, 108–125.
5. Mukhiddinov, I. (1989). Relikty doislamskikh obychaev i obriadov u zemledel'tsev Zapadnogo Pamira. Kn. 1. 176. Dushanbe: Donish.
6. Rakhimov, M. R. (1957). Ischislenie vremeni u tadjhikov basseina reka Khingou v XIX. *Sovetskaia etnografiia*, 2, 73–88.
7. (1966). Tadjhiki Karategina i Darvaza. Kn. 1. Dushanbe: Donish.
8. Kholov, M. (2006). Takjvimnjoii kishovarzii toljikoni kunjiston, 132. Dushanbe: Irfon.
9. Shakarmamadov, N. (2011). Oiinnoi navruzii dar Badakhshon, 100. Khorugi: Logos.
10. Shakarmamadov, O., & Shakarmamadov, N. (2003). Navruzi Badakhshon, 46. Khorugi: Marifat.
11. Eshonkulov, U. (2007). Istoriia zemledel'cheskoi kul'tury gornogo Sogda: s drevneishikh vremen do nachala XX v., 848. Dushanbe: Devashtich,
12. (n.d.). Heydari-Malayeri, M. A concise review of the Iranian calendar. Paris Observatory homepage. Retrieved from : <http://aramis.obspm.fr/~heydari/divers/ir-cal-eng.htm>

Информация об авторе

Рахими Дилшод Камолзода – кандидат филологических наук, директор, Научно-исследовательский институт культуры и информации при Министерстве культуры Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан.

Information about the author

Dilshod K. Rakhimi – candidate of philological sciences, director, Scientific Research Institute of Culture and Information under the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Поступила в редакцию / Received 07.06.2022

Принята к публикации / Accepted 29.06.2022

Опубликована / Published 30.06.2022

Книжная палата Чувашской Республики – хранительница письменности и этнокультуры народа

DOI 10.31483/r-102812
УДК 027(470.344):930.25



Сергеев Т. С.

Научно-исследовательский институт этнопедагогике имени академика РАО Г.Н. Волкова ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-1530-4691>, e-mail: tikhon-sergeev@yandex.ru

Резюме: В статье раскрывается история создания и основные функции Книжной палаты Чувашской Республики (в 2000–2012 гг. – Государственного архива печати), в 2013 г. вошедшей в структуру Национальной библиотеки Чувашской Республики. *Цель* статьи – раскрыть значение Книжной палаты Чувашской Республики как основного центра коллекционирования и хранения печатной продукции о Чувашии и чувашском народе, независимо от места издания. На основе хронологического *метода* исследована история организации и становления Книжной палаты Чувашской Республики. Выявлено, что Книжные палаты как учреждения с особым правовым режимом имелись в 5 пунктах Российской Федерации: в Москве, в республиках Башкортостан, Татарстан, Чувашия и Карелия. Их фонды использовались в научно-издательских разработках, подготовке материалов к публикации и для переизданий. В настоящее время основными направлениями деятельности отдела «Книжная палата» остаются комплектование, учет и обеспечение сохранности фонда печатных документов; государственная регистрация печатных документов в Чувашской Республике, подготовка государственной библиографической и статистической информации; информационно-библиографическое обслуживание пользователей; методическое обеспечение редакционно-издательской деятельности средств массовой информации, издательско-полиграфических предприятий республики; создание библиографической базы данных статей «Чувашика»; подготовка и издание государственного библиографического указателя «Летопись печати Чувашской Республики».

Ключевые слова: государственный язык, печать, книга, газета, журнал, фонд, документы, хранение, Книжная палата, Государственный архив печати, Национальная библиотека, этнокультура.

Для цитирования: Сергеев Т. С. Книжная палата Чувашской Республики – хранительница письменности и этнокультуры народа // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 34–39. DOI:10.31483/r-102812.

Review Article

The Book Chamber of the Chuvash Republic as the Custodian of the Writing and Ethnic Culture

Tikhon S. Sergeev

Scientific Research Institute of Ethnopedagogics named after Academician of the Russian Academy of Sciences G.N. Volkov of FSBEI of HPE “Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev”, Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-1530-4691>, e-mail: tikhon-sergeev@yandex.ru

Abstract: The article reveals the history of the creation and main functions of the Book Chamber of the Chuvash Republic (in 2000–2012 – the State Press Archive), which in 2013 became part of the National Library of the Chuvash Republic. The *purpose* of the article is to reveal the significance of the Book Chamber of the Chuvash Republic as the main center for collecting and storing printed materials about Chuvashia and the Chuvash people, regardless of the place of publication. On the basis of the chronological *method*, the role of printed materials in the Chuvash language in the preservation of the ethnic culture of the titular people has been studied. It was revealed that the Book Chambers as institutions with a special legal regime existed in 5 points of the Russian Federation: in Moscow, in the republics of Bashkortostan, Tatarstan, Chuvashia and Karelia. Their funds were used in scientific and publishing developments, preparation of materials for publication and for reprints. At present, the main activities of the Department of the Book Chamber are the acquisition, accounting and preservation of the fund of printed documents; state registration of printed documents in the Chuvash Republic, preparation of state bibliographic and statistical information; information and bibliographic services for users; methodological support of editorial and publishing activities of the mass media, publishing and printing enterprises of the republic; creation of a bibliographic database of articles «Chuvashik»; preparation and publication of the state bibliographic index «Chronicle of the press of the Chuvash Republic».

Keywords: state language, press, book, newspaper, magazine, fund, documents, storage, Book Chamber, State Press Archive, National Library, ethnoculture.

For citation: Tikhon S. Sergeev (2022). The Book Chamber of the Chuvash Republic as the Custodian of the Writing and Ethnic Culture. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 34–39. (In Russ.) DOI:10.31483/r-102812.

Введение

В дореволюционный период (до 1917 г.) основная часть чувашского населения проживала на территории Казанской и Симбирской губерний. Официальным языком общения был русский. Типографии, возникшие в уездных городах Алатыре (1883 г.), Чебоксарах (1911 г.), Цивильске, Ядрине (1914 г.), издавали книги, брошюры, афиши на русском языке. Первые чувашские книги, преимущественно религиозного содержания, были выпущены

Российским библейским обществом, Братством святителя Гурия, Переводческой комиссией Православного миссионерского общества, Православной комиссией при управлении Казанского учебного округа, Казанским обществом трезвости, Уфимским комитетом Попечительства о народной трезвости, национальными общественно-политическими организациями. Помимо религиозных книг на чувашском языке издавались учебники, политическая, просветительская литература,

беллетристика, брошюры по ремеслам, сельскому хозяйству, гигиене и др. По неполным данным, до 1917 г. в разных городах России (в Казани, Симбирске, Уфе и др.) было издано свыше 1200 книг, которые причисляются к чувашским по критериям языка, содержания, места издания и авторской принадлежности [Григорьева, 2006, с. 267]. Каждая вторая из них (517) были на чувашском языке с использованием алфавита, созданного И.Я. Яковлевым в 1871 г.

Материалы и методы

На основе хронологического метода исследована история организации и становления Книжной палаты Чувашской Республики. Материалом для исследования послужили фонды национальной печати Отдела «Книжная палата» – структурного подразделения Национальной библиотеки Чувашской Республики.

Результаты и их обсуждение

Образование Чувашской автономной области (1920 г.), преобразование ее в автономную республику (1925 г.) подняли роль и значение родного языка. В первой Конституции Чувашской АССР (1926 г.) статус государственного языка на территории республики был определен за чувашским и русским языками. 12 ноября 1920 г. было образовано Чувашское отделение государственного издательства (Чуващгиз), с 1963 г. – Чувашское книжное издательство, с 1999 г. – Российское государственное управление печати (РГУП), с 2003 г. – ГУП, с 2004 г. – ГУП «Чувашкнигоиздат» [Алексеев, 2011, с. 591]. В настоящее время на него приходится 80% издаваемой в Чувашии книжной продукции, остальная – на ведомственные и частные издательства [Гусаров, 2008, с. 267; Обязательный...].

Из года в год увеличивалось издание книг, совершенствовались их полиграфическое оформление. Если за 1918–1927 гг. в Чувашии было издано 643 книги общим тиражом 2974 тыс. экземпляров, то в последующее десятилетие (1928–1937 гг.) – 2131 книга тиражом 12433 тыс. экземпляров [Гусаров, 2008, с. 267]. К этому времени республика покрылась сетью школ, изб-читален, клубов, библиотек, вузов, техникумов, научных учреждений. В столице Чувашии работали 4 вуза, 8 техникумов и училищ, 9 общеобразовательных школ, 2 рабфака, музей, 60 библиотек, 6 клубов, 5 больниц. Начали работать республиканские творческие союзы писателей, художников, композиторов, велось радиовещание, киноискусство на чувашском языке.

Значительно увеличилось издание периодической печати на русском и чувашском языках. В середине 1930-х гг. издавались 5 республиканских газет (в том числе 4 на чувашском языке), 8 журналов (7), 25 районных газет (21). Учет этой печатной продукции и работа по их сохранению для будущих поколений требовало создания особого учреждения.

В соответствии с постановлением Совнаркома Чувашской АССР от 2 декабря 1931 г. № 439 «Об организации в Чувашской АССР» появилось основное республиканское хранилище печатной продукции. Оно было создано «в целях собирания и концентрации в одном

месте всех печатных произведений на чувашском, русском других языках, выходящих в пределах Чувашской АССР, прямо или косвенно отражающих партийно-советское и культурно-хозяйственное строительство Чувашии». Этот документ обязывал «все типографии и лито-типографии, а также организации Чувашской АССР, выпускающие печатные издания для публичного пользования, в трехдневный срок бесплатно предоставлять в Центральную книжную палату по 10 экземпляров произведений печати (книги, брошюры, газеты, журналы, плакаты, афиши, листовки, карты, портреты, открытки с рисунком или текстом, чертежи, ноты, доклады, приказы)» [Васильев; Книжная...].

Первым заведующим Книжной палатой, согласно распоряжению народного комиссариата ЧАССР, был назначен Алексей Иванович Иванов (1897–1942), педагог с высшим образованием, журналист. Будучи публицистом и писателем, А. И. Иванов перевел четыре книги на чувашский язык. В писательских кругах был известен под псевдонимом «Ванюшка». Формируя фонды, помимо получаемых обязательных экземпляров печатных изданий, он организовал отбор литературы из дублетных фондов библиотек, выезжал с этой целью в Москву, Ленинград, Казань, Самару, Симбирск, Горький и другие города. Он организовал подписку на газеты, издававшиеся вне пределов Чувашии на чувашском языке, мечтал о строительстве Дворца книги в Чебоксарах. Помня поговорку «Чувашскую книгу корова съела», первый руководитель учреждения любил повторять: «Книжная палата ЧАССР – страж, зорко охраняющий чувашскую книгу, чтобы ее не съела корова». Под руководством А. И. Иванова были заложены основы взаимообмена библиографической информацией, в частности, с Горьковской краеведческой публичной библиотекой, Научной библиотекой Казанского государственного университета и др. Он впервые разработал систему библиографического описания газетных и журнальных статей, издававшихся на территории Чувашской АССР. При его участии были подготовлены материалы к библиографическим указателям литературы, изданным в 1917–1928 гг. и в 1929–1932 гг. Однако они тогда не тиражировались. В 1933 г. А. И. Иванову было присвоено почетное звание «Ветеран чувашской печати». К концу 1939 г. Книжная палата насчитывала фонд в 50 тыс. единиц хранения (до 40 тыс. названий), имела все комплекты периодических изданий Чувашской АССР.

Из-за отсутствия своего помещения Книжная палата за первые два десятилетия побывала в 15 зданиях и помещениях, в большинстве своем непригодных для хранения печатных документов. Каждый переезд сопровождался утерей или порчей части уникальных экземпляров печати. На этой основе возникали конфликты с руководством различных ведомств. Первый заведующий Книжной палатой А. И. Иванов, истинный патриот и радетель этнокультуры чувашского народа, попал под волну сталинских репрессий: 15 июня 1937 г. его арестовали, обвинив в «расхищении социалистической собственности», приговорили к высшей мере наказания, замененную на 10-летнюю

ссылку. Незаконно репрессированный книголюб отбыл свой срок в Яглинлаге Архангельской области, где умер 13 мая 1942 г. В 1950-х гг. был реабилитирован [Книжная...].

Нелегкие перипетии пережила и сама Книжная палата. Согласно приказу № 465 Народного комиссариата просвещения ЧАССР от 30 декабря 1939 г. следовало «разобрать весь книжный фонд и литературу, не имеющую отношения к Книжной палате (книги, изданные вне территории ЧАССР), передать их по назначению Научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории, республиканской библиотеке им. М. Горького, библиотеке института усовершенствования учителей, библиотеке политехпросветшколы и библиотеке по народному образованию».

В обязанности заведующего (директора) Книжной палатой входило «укомплектовать литературный фонд Книжной палаты всеми литературными произведениями, изданными на территории ЧАССР с момента Великой Октябрьской социалистической революции». Из всего собранного многолетним кропотливым поисковым трудом Книжной палатой фонда было передано вышеназванным учреждениям 27612 экземпляров книг. Часть из них удалось вернуть назад в последующие годы, когда Книжной палатой руководили известный чувашский писатель Ф. Е. Афанасьев (Хведер Уяр) (1943–1950 гг.), И. П. Прохоров (1950–1955), М. И. Петрова (1955–1978), Е. Б. Охтерова (1978–1984), Р. И. Константинова (1984–1995), Р. Н. Григорьева (1995–2012 гг.). Библиографами в разное время работали истинные творческие книголюбы, известные в писательских и журналистских кругах: И. И. Илларионов (Иван Мучи), В. В. Бараев, К. С. Сергеев (Турхан), И. И. Скворцов, Ф. Д. Дмитриева (Ижедер), А. А. Алексеев, С. Данилов, О. Отачкина, А. Михайлова, Л. Виссарова и др.

К 20-летию Книжной палаты (1951 г.) ее «растаявшие» фонды составили более 15 тысяч экземпляров книг, 629 комплектов газет и журналов, множество плакатов, листовок, афиш и другой мелкопечатной продукции.

Мечта первого заведующего об организации регулярной библиографической информации населения через издание указателей литературы осуществилась при его преемниках: в 1955 г. вышел первый номер «Летописи печати» за 1954 г., затем «Книжная печать Чувашской АССР», включающая литературу, изданную в 1946–1949 гг. [Арланова]. Отдельными изданиями выходили «Книжная летопись», «Летопись журнальных статей» – ежегодно, «Летопись газетных статей» – ежеквартально.

Начиная с 1957 г. все три вида издания были объединены в единый ежеквартальный указатель «Летопись печати Чувашской Республики». За 1958–1992 гг. увидели свет 130 номеров указателя литературы-летописей, а также 30 фундаментальных информационных источников – ретроспективных библиографических указателей, справочников и сборников. Большую ценность для исследователей представляют: «Периодические издания Чувашской АССР (1917–1968 гг.): библио-

графический справочник» (1975), «Печать Чувашской АССР», «Библиография произведений В.И. Ленина на чувашском языке», «Государственная книжная палата Чувашской АССР», «Рекомендательный каталог районных и сельских библиотек» и др. В подготовку этих изданий большой вклад внесли сотрудники Ф. Е. Ефимова, М. И. Петрова, Е. П. Охтерова, Р. И. Константинова, М. В. Захаров и др. [Книжная...; Миронова, 1978].

Осуществилась и другая мечта первого заведующего – о перемещении учреждения в специальное здание. В 1964 г. Книжная палата разместилась в здании Центрального государственного архива Чувашской АССР. В 1992–2013 гг. она (с 2000 по 2012 г. – Государственный архив печати Чувашской Республики) занимала 7-й этаж здания Партийного архива Чувашского обкома КПСС (ныне – Государственный архив современной истории Чувашской Республики) по ул. Гладкова.

Следует отметить, что Книжные палаты как учреждения с особым правовым режимом имелись в 5 пунктах Российской Федерации: в Москве, в республиках Башкортостан, Татарстан, Чувашия и Карелия. Их фонды использовались в научно-издательских разработках, подготовке материалов к публикации и для переизданий [Федоров].

За плодотворную работу по ведению учета, статистики и библиографии и связи с 50-летием со дня образования Книжная палата республики 1 декабря 1981 г. была награждена Почетной грамотой Верховного Совета Чувашской АССР.

В соответствии с постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 10 ноября 2000 г. «О республиканских государственных архивах» Государственная книжная палата переименована в Государственный архив печати.

К 2005 г. в фондах учреждения находилось около 700 тысяч экземпляров печатной продукции. Ежегодно на государственное хранение поступало до 16 тысяч экземпляров документов печати [Григорьева, 2006, с. 445].

Государственный архив печати выполнял библиографические, фактографические, тематические справки, способствовал переизданию уникальных, редких чувашских книг, консультировал издателей по вопросам внешнего оформления изданий, присваивал им классификационные индексы (УДК, ББК, авторский знак). Издавал библиографический указатель «Журналсенчи статьясен летописё» (Летопись журнальных статей), осуществлял подготовку ежемесячного библиографического указателя «Книжная летопись Чувашской Республики», ретроспективных и тематических указателей, справочников. Здесь же проводились Дни открытых дверей, презентации выставок, посвященных знаменательным и памятным датам, выдающимся людям Чувашии. Это же учреждение вело статистику печати республики.

Коллектив учреждения из 15 человек продолжал добросовестно трудиться, выполняя большой объем библиографической работы. Так, к 80-летию учреждения (2001 г.) кроме традиционных номеров «Летописи

печати» было выпущено 50 информационных справочников, около сотни номеров «Книжной летописи Чувашской Республики». В последующее десятилетие появились ретроспективные указатели литературы: «Чувашская книга до 1917 г.» (2001), «Чувашия в годы Великой Отечественной войны» (2005), «Книги Чувашской АССР 1981–1990 гг.» (2007), «Книги Чувашской Республики 1990–2000 гг.» (2009), «Книги Чувашской АССР 1941–1945 гг.» (2010), «Книги Чувашской Республики 2001–2005 гг.» (2010).

Стремительный процесс автоматизации затронул и деятельность Книжной палаты. С 2002 г. создана база данных с использованием специализированной программы ИРБИС64. Ее внедрение позволило быстро и эффективно осуществлять поиск новых сведений об изданиях, оперативно представлять пользователям библиографическую информацию. С 2006 г. сформирован сайт для информационных новостей. Наиболее посещаемые страницы: «Новые книги Чувашии», «Книжная летопись Чувашии. Новости», «Галерея памяти», «Вопрос – ответ» и др. С февраля 2010 г. Госархив печати вел каталогизацию книжных изданий на договорной основе с Национальной библиотекой. В библиотеку было передано 1700 первичных библиографических записей в электронном формате.

После вхождения с 21 мая 2013 г. Государственно-го архива печати, бывшей Книжной палаты, в структуру Национальной библиотеки, такая необходимость отпала. Книжная палата, фонды которой находятся на втором и третьем этажах четырехэтажного пристроя здания, продолжает собирать и сохранять документы всех видов и типов на любых носителях информации, изданные на территории Чувашии.

Для современного читателя представляет интерес длинное название первой в коллекции Книжной палаты книги о чувашах, записанное русскими буквами (как слышали, так и писали): «Светой Евангель Матфей ран, Марк ран, Лука ран, Иоанн ран да чуваш чилге сине сявырза хоны Хозан хопары архерей пыгагган, черггю таврашсамба Казань Тип Император ун-та, 1820». В этой же коллекции хранятся книги: «Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис на чувашском языке» В.П. Вишневого (изд. 1832 г.), «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленный для духовных училищ Казанской епархии» (изд. 1836 г.), первый календарь на чувашском языке (изд. 1867 г.), первые буквари для чувашей и многое другое. В Книжной палате нашли место изданные на чувашском языке книги: «Брак у чуваш», «Как воспитывать детей», «Как вести себя дома и в обществе», «Семья разрушается от вина», «Бросьте пить водку и курить табак». В фонде есть книги после русско-японской войны 1904–1905 гг.: «Помогите раненому солдату», «Не обижайте сирот», «Не суди бедняка, а дай ему» и др. Не потеряли своего значения брошюры: «О восьмипольной системе хозяйства», «Кормление молочного скота и переработка молока». Есть в фондах «Библия» на чувашском языке с авторграфом И. Я. Яковлева, изданная в Симбирске в 1916 г. и подаренная 12 февраля 1959 г. потомками просвети-

теля Книжной палате. Много афиш и плакатов за годы гражданской войны и послевоенного мирного развития страны [Книжная...].

В фонде сконцентрирована и сохранена вся духовная память нации, запечатленная в сотнях тысяч печатных изданий. Здесь с исчерпывающей полнотой представлены коллекции первых чувашских газет (с 1906 г.) и журналов («Ана» (Пашня) (1918–1920 гг.), «Атӑл юрри» (Волжская песня) (1920–1921 гг.), «Сунтал» (Наковальня) (1924 г.), «Тӑван Атӑл» (Родная Волга) (1943 г.) и др.), грамматик чувашского языка, учебников, книг для чтения, календарей. Этот уникальный информационный массив к концу 2021 г. насчитывал около 90 тыс. экземпляров печатных и электронных изданий, в том числе 56 тыс. книг и брошюр, с 1769 г. по настоящее время. Из них 13800 экземпляров (24,6%) – на чувашском языке. Фонды Книжной палаты ежегодно пополняются 6 тыс. экземплярами новых печатных произведений, в том числе выпущенными на чувашском языке вне пределов Чувашской Республики. Источниками комплектования являются более 200 организаций, производящих печатные документы и представляющих в библиотеку обязательный экземпляр [Книжная...].

С недавних пор в Книжной палате хранятся не только печатные издания, а также и электронные книги.

Фонд экстерииорики состоит из печатных документов, изготовленных за пределами Чувашской Республики, но имеющие отношение к ней по признакам языка титульной нации, содержанию и авторской принадлежности. Из республики Башкортостан поступают газеты «Аургазӑ хыпарӑ» (Аургазовские вести), «Урал сасси» (Голос Урала), из республики Татарстан – газеты «Туслӑх» (Дружба), «Тӑван ен» (Родная сторона) «Сувар», «Ялав» (Знамя), «Ял пурнӑсӑ» (Сельская жизнь), журнал «Шурӑмпус» (Заря), из Ульяновской области – газета «Канаш» (Совет), из Тюменской области – газета «Тӑван» (Родственник).

На многолетнее хранение поступают все республиканские и районные газеты, многотиражные газеты предприятий, колхозов, учебных заведений, однодневные газеты. Книжная палата ранее получала более 170 наименований газет (по состоянию на 1 января 2021 г. – 110 названий), из них 9 на чувашском языке, выходящие за пределами Чувашской Республики. Ежегодно поступает от 1200 до 2000 названий книг, из них 150–250 на чувашском языке. Книги, изданные до 1918 г., включены в фонд редких и ценных изданий. В отличие от библиотек, устаревшие книги здесь не утилизируются, не списываются, а восстанавливаются.

Совместно с ведущими библиотеками республики сотрудники сектора государственной библиографии отдела «Книжная палата» ведут краеведческую базу данных «Чувашика» – своего рода электронный архив публикаций из текущих республиканских и местных периодических изданий о Чувашии. На основе записей данных «Чувашика» создают всеобъемлющий информационный источник – печатную и электронную версии государственного библиографического указателя «Летопись печати Чувашской Республики». Это изда-

ние состоит из 5 разделов (внутри разделов группируется по разделам УДК): 1) Книжная летопись; 2) Летопись журнальных статей; 3) Летопись газетных статей; 4) Летопись нотных изданий; 5) Летопись изоизданий. Эти публикации формируются на основе обязательных экземпляров документов, поступающих в Книжную палату. С 2014 г. эта информация доступна в электронной версии [Летопись...].

В соответствии с Законом Чувашской Республики от 28 декабря 2013 г. № 104 «О внесении изменений в Закон Чувашской Республики «Об обязательном экземпляре документов Чувашской Республики» производители документов представляют через полиграфические организации в день выхода в свет первой партии тиража печатных изданий в бюджетное учреждение «Национальная библиотека Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии по три экземпляра всех видов изданий, тиражируемых на территории Чувашской Республики:

- книги, брошюры и продолжающиеся издания;
- изоиздания, нотные издания географические карты и атласы;
- республиканские и местные газеты и журналы;
- текстовые листовые издания;
- авторефераты диссертаций.

Из них один экземпляр остается в отделе «Книжная палата» и является источником государственной регистрации (библиографической и статистической). Остальные два экземпляра издания предоставляются в другие отделы Национальной библиотеки Чувашской Республики [Обязательный...].

Заключение

При всем разнообразии источников пополнения фондов Книжной палаты, особенно на чувашском языке, основным остается Чувашское книжное издательство. За столетие (1920–2020 гг.) Чувашским книжным издательством выпущено более 17 тысяч названий книг и брошюр тиражом 132280 тысяч экземпляров [Арланова]. Остальные 20% книжной продукции поступает от ведомственных и частных издательств, из последних каждая пятая книга выпускается учреждением «Новое Время». Растет поток литературы из вузовских типографий.

Основными направлениями деятельности отдела «Книжная палата» остаются:

- комплектование, учет и обеспечение сохранности фонда печатных документов;
- государственная регистрация печатных документов в Чувашской Республике, подготовка государственной библиографической и статистической информации;
- информационно-библиографическое обслуживание пользователей;

– методическое обеспечение редакционно-издательской деятельности средств массовой информации, издательско-полиграфических предприятий республики;

– создание библиографической базы данных статей «Чувашика»;

– подготовка и издание государственного библиографического указателя «Летопись печати Чувашской Республики» [Страницы...].

В обязанности сотрудников сектора комплектования, учета и обеспечения сохранности документов входит организация работы по комплектованию фонда отдела «Книжная палата» обязательными экземплярами печатных изданий.

Документы фонда являются неприкосновенными и выдаются читателям, чаще всего ученым-исследователям, в исключительных случаях. Среди них можно встретить уникальные издания, случайно уцелевшие в одном экземпляре. Эту радость испытал на себе автор этих строк, когда искал материалы этнографических экспедиций (социологических исследований) 1933 и 1960 гг., проводившихся правительственными органами Чувашской АССР путем подворного обследования опросным путем жителей 21 деревни с целью изучения их этнокультуры. Из слов сотрудников Научного архива НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (НИИЯЛИЭ) было известно, что итоги социологического исследования тщательно изучены, проанализированы, обобщены и подготовлены к печати сотрудниками НИИЯЛИЭ И. Д. Кузнецовым и П. А. Сидоровым, даже опубликованы в 1962 г. немалым тиражом под названием «Быт и культура сельского населения Чувашии». Однако по разным причинам, особенно после недавнего полета уроженца Чувашии А. Г. Николаева в космос (вероятно, культурно-бытовые достижения чувашских крестьян показались недостаточно убедительными, наносили тень на достижения «возрожденного чувашского народа» и явно понижали ура-патриотические настроения), решением правительственных органов названную книгу срезали «под корень». Оригинала рукописи не осталось даже в архиве научного учреждения. Случайно обнаружили единственный уцелевший экземпляр указанного научного труда историков и экономистов в Книжной палате. Приведенные в едва сохранившейся книге материалы весьма пригодились в более глубоком изучении этнокультуры чувашского народа.

Национальная библиотека, особенно ее отдел «Книжная палата», сконцентрировавшая богатейший материал по истории развития края, вносит значительный вклад в сохранение письменности, национальной печати как основы этнической культуры, самобытности чувашского народа.

Список литературы

1. Алексеев В. Н. Чувашское книжное издательство // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2011. Т. 4. С. 591.
2. Арланова Е. Ф. Первый директор Книжной палаты Чувашии (к 115-летию со дня рождения А. И. Иванова) // Сайт Государственной книжной палаты Чувашской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gap.archives21.ru/memorials.aspx?id=6861&s_page=1 (дата обращения: 20.06.2022).

3. Васильев Л. Когда книг как ума палата // Советская Чувашия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sovch.chuvashia.com/?p=71109> (дата обращения: 20.06.2022).
4. Григорьева Н. Н. Государственный архив печати Чувашской Республики // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2006. Т. 1. С. 445–446.
5. Гусаров Ю. В., Налимова С. В. Книгопечатание // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2008. Т. 2. С. 266–267.
6. Книжная палата сегодня // Сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5177&Itemid=1299 (дата обращения: 20.06.2022).
7. Книжная палата Чувашской Республики празднует 90-летие // Сайт Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://culture.cap.ru/news/2021/12/08/knizhnoj-palate-90-let> (дата обращения: 20.06.2022).
8. Летопись печати Чувашской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.nbchr.ru/virt_letopis (дата обращения: 03.06.2021).
9. Миронова А. Пичет архивё (Архив печати) // Коммунизм ялавё (Знамя коммунизма). 1978. 2 апреля (на чувашском языке).
10. Обязательный экземпляр документов Чувашской Республики // Сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5179&Itemid=1297 (дата обращения: 20.06.2022).
11. Страницы истории // Сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5176&Itemid=1298 (дата обращения: 20.06.2022).
12. Федоров А. Книжная палата Чувашии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aofedorov.livejournal.com/174097.html> (дата обращения: 20.06.2022).

References

1. Alekseev, V. N. (2011). Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. *Chuvashskaia entsiklopediia*. T. 4, 591. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Arlanova, E. F. (n.d.). Pervyi direktor Knizhnoi palaty Chuvashii (k 115-letiiu so dnia rozhdeniia A. I. Ivanova). Sait Gosudarstvennoi knizhnoi palaty Chuvashskoi Respubliki. Retrieved from: http://www.gap.archives21.ru/memorials.aspx?id=6861&s_page=1
3. Vasil'ev, L. (n.d.). Kogda knig kak uma palata. *Sovetskaia Chuvashiia*. Retrieved from: <http://sovch.chuvashia.com/?p=71109>
4. Grigor'eva, N. N. (2006). Gosudarstvennyi arkhiv pechati Chuvashskoi Respubliki. *Chuvashskaia entsiklopediia*. T. 1, 445–446. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. Gusarov, Iu. V., & Nalimova, S. V. (2008). Knigopechatanie. *Chuvashskaia entsiklopediia*. T. 2, 266–267. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Knizhnaia palata segodnia. (n.d.). Sait Natsional'noi biblioteki Chuvashskoi Respubliki. Retrieved from: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5177&Itemid=1299
7. Knizhnaia palata Chuvashskoi Respubliki prazdnuet 90-letie. (n.d.). Sait Ministerstva kul'tury, po delam natsional'nostei i arkhivnogo dela Chuvashskoi Respubliki. Retrieved from: <https://culture.cap.ru/news/2021/12/08/knizhnoj-palate-90-let>
8. Letopis' pechati Chuvashskoi Respubliki. (n.d.). Retrieved from: www.nbchr.ru/virt_letopis
9. Mironova, A. (1978). Pichet arkhive (Arkhiv pechati). *Kommunizm ialave (Znamia kommunizma)*. 2 apreliia (na chuvashskom iazyke).
10. Obiazatel'nyi ekzempliar dokumentov Chuvashskoi Respubliki. (n.d.). Sait Natsional'noi biblioteki Chuvashskoi Respubliki. Retrieved from: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5179&Itemid=1297
11. Stranitsy istorii. (n.d.). Sait Natsional'noi biblioteki Chuvashskoi Respubliki. Retrieved from: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5176&Itemid=1298
12. Fedorov, A. (n.d.). Knizhnaia palata Chuvashii. Retrieved from: <https://aofedorov.livejournal.com/174097.html>

Информация об авторе

Сергеев Тихон Сергеевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института этнопедагогики имени академика РАО Г. Н. Волкова ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Tikhon S. Sergeev – doctor of historical sciences, senior research fellow of Scientific Research Institute of Ethnopedagogics named after Academician of the Russian Academy of Sciences G. N. Volkov of FSBEI of HPE “Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev”, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 07.06.2022

Принята к публикации / Accepted 29.06.2022

Опубликована / Published 29.06.2022

Художественный перевод на английский язык стихотворения Петра Хузангая «Поэт»

DOI 10.31483/r-102894

УДК 82

Васильева С. Н.^а, Гордеева А. В.^б

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №49

с углубленным изучением отдельных предметов имени П.П. Хузангая», Чебоксары, Российская Федерация.

^а  <https://orcid.org/0000-0002-4258-1857>, e-mail: svetlana72_1972@mail.ru^б  <https://orcid.org/0000-0002-2777-8088>, e-mail: marik1707@mail.ru

Резюме: Цель статьи – представить художественный перевод на английский язык стихотворения Петра Хузангая «Поэт» и сделать комплексный анализ текста оригинала и переводного текста. Объект исследования – текст стихотворения П. Хузангая «Поэт» на русском языке и художественный перевод С. Н. Васильевой «A Poet» на английском языке. В статье приводится анализ темы, композиции и выразительных средств стихотворения Хузангая «Поэт» в их сопоставлении с английским переводом. Актуальность и практическая значимость работы связана с введением в учебные планы школ предметов «Родной язык» и «Родная литература», в программе которых творчеству П. Хузангая уделяется особое внимание. Стихотворение П. Хузангая «Поэт» в переводе на английский язык может использоваться учителем при реализации метапредметного подхода к разработке содержания уроков как родного, так и английского языков. На основе методов аналитического чтения, теоретического анализа литературы, поискового, контекстуального и сравнительного анализа рассмотрен язык стихотворения П. Хузангая «Поэт» (морфология, синтаксис, лексика, стилистика) и выявлена взаимосвязь идейного и художественного замысла стихотворения с его лингвистическими особенностями. Используемые методы позволили в процессе художественного перевода сохранить замысел стихотворения, особенности композиции и подобрать соответствующие средства художественной выразительности.

Ключевые слова: чувашская литература, художественный перевод, ритмический рисунок, средства выразительности, звукопись, цветопись.

Для цитирования: Васильева С. Н., Гордеева А. В. Художественный перевод на английский язык стихотворения Петра Хузангая «Поэт» // *Этническая культура*. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 40-43. DOI:10.31483/r-102894.

Research Article

Literary Translation Into English of Peter Khuzangai's Poem "The Poet"

Svetlana N. Vasilyeva^a, Anna V. Gordeeva^b

MBEI "Secondary school No. 49 with in-depth study of individual subjects named after P.P. Khuzangai", Cheboksary, Russian Federation.

^a  <https://orcid.org/0000-0002-4258-1857>, e-mail: svetlana72_1972@mail.ru^b  <https://orcid.org/0000-0002-2777-8088>; e-mail: marik1707@mail.ru

Abstract: The purpose of the article is to present a literary translation into English of P. Khuzangai's poem «A Poet» and to make a comprehensive analysis of it. The object of the study is the text of P. Khuzangai's poem «A Poet» and the literary translation of S. N. Vasilyeva «A Poet». The article provides an analysis of the theme, composition and expressive means of Khuzangai's poem "The Poet" in their comparison with the English translation. The relevance and practical significance of the work is connected with the introduction of the subjects "Native language" and "Native literature" into the curricula of schools, in the program of which P. Khuzangai's creativity is given special attention. P. Khuzangai's poem "The Poet" translated into English can be used by a teacher when implementing a meta-subject approach to developing the content of lessons in both native and English languages. On the basis of the methods of analytical reading, theoretical analysis of literature, search, contextual and comparative analysis, the language of the poem P. is considered. Khuzangai's "Poet" (morphology, syntax, vocabulary, stylistics) and revealed the relationship of the ideological and artistic intent of the poem with its linguistic features. The methods used made it possible in the process of literary translation to preserve the idea of the poem, the features of the composition and to select the appropriate means of artistic expression.

Keywords: Chuvash literature, literary translation, rhythmic pattern, means of expression, sound writing, colour painting.

For citation: Vasilyeva S. N., & Gordeeva A. V. (2022). Literary Translation Into English of Peter Khuzangai's Poem "The Poet". *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 40-43. (In Russ.) DOI:10.31483/r-102894.

Введение

Поэзия Петра Хузангая – многогранный кристалл, отражающий самые разные стороны культуры чувашского народа. Многие его произведения вошли в золотой фонд чувашской классической литературы. А. Хузангай, его сын, оценивая творчество отца, подчеркивал, что поэт «оставался верен своему кредо и старался поднимать темы в контексте Большого исторического времени: призвание поэта и веление эпохи, любовь и творчество, народ и его герои [Хузангай, 2007, с. 19]. О себе сам П. Хузангай писал: «Я хочу подниматься со страшною. / Укрепиться, врасти в свой народ. / Прошуметь,

словно песней, листвою» [Хузангай, 1982, с. 5]. Исследователи творчества П. Хузангая, например, И. В. Афанасьева [Афанасьева, 2009, с. 284], отмечают, что эти строки отражают главные ценностные ориентации поэта и являют собой суть его творческой судьбы.

В определенный период времени П. Хузангай пробовал писать в жанре восточной литературы рубаи – тому способствовало увлечение переводами стихов О. Хайяма. Об этом упоминает в своей статье И. В. Софронова [Софронова, 2018, с. 40].

Стихотворение «Поэт» по своему философскому содержанию и краткости близко жанру рубаи, оно от-

носится к раннему творчеству П. Хузангая. Стихотворение «Поэт» было написано в 1924 г. и впервые опубликовано в этом же году в журнале «Сунтал». В 1982 г. Чувашским книжным издательством был выпущен сборник стихов под названием «Эпир пулнă, пур, пулатпăр!» – «Были мы, и есть, и будем!» с русским и чувашским параллельным текстом, в котором стихотворение «Поэт» (на чувашском языке – «Савăç») находится в разделе «Ранние» с пометкой «перевод автора» [Хузангай, 1982, с. 8–9]. То есть и чувашский, и русский тексты принадлежат П. Хузангаю. Перевод на английский язык осуществлен с русского варианта.

Материалы и методы исследования

Работа посвящена комплексному анализу русского текста стихотворения П. Хузангая «Савăç» (Поэт) и его английского перевода, выполненного С. Н. Васильевой. Авторами анализируется взаимодействие структурно-семантических элементов стихотворения, его грамматических и стилистических особенностей в переводоведческом аспекте.

Работа базируется на следующих методах исследования: теоретическом анализе литературы, аналитическом чтении, контекстуальном и сравнительном анализе.

Результаты исследования и их обсуждение

Художественный перевод – это «перевод, сохраняющий тонкости содержания иноязычного текста, его образную систему, сделанный с учетом семантических и выразительных особенностей и возможностей как языка-источника, так и языка-объекта» [Нелюбин, 2003, с. 247].

При переводе поэзии нужно помнить о главной задаче переводчика – воздействовать на чувства читателя так же, как это сумел сделать автор. «Переводчик поэзии сам должен быть поэтом, чувствовать ритм, рифмы стихотворения, поэтому перевод поэзии считается одним из самых сложных видов перевода» [Ахматова, 2021, с. 1]. Работу над переводом следует начинать с внимательного чтения подлинни-

ка, затем – всестороннего анализа текста с позиций литературоведа, искусствоведа, критика и, конечно, переводчика.

Общепринятая позиция художественного перевода заключается в том, что переводчику необходимо свети к минимуму свое субъективное вмешательство в текст и максимально приблизиться к объективному смыслу переводимого им произведения. При выполнении перевода стихотворения «Поэт» с русского языка на английский авторы руководствовались следующими рекомендациями: «...если при переводе обычного научно-технического текста должно остаться неизменным значение этого текста, то при поэтическом переводе неизменной должна остаться поэтическая модель (или поэтический смысл) стихотворения» [Иванов, 1961, с. 371]; «при определении степени адекватности перевода стиха все его компоненты должны быть учтены в равной степени и во взаимосвязи, необходимо определить, какое место в системе выразительных средств поэтического произведения занимает каждый из них; в процессе анализа возникает необходимость в их расчленении, однако всегда нужно учитывать их внутреннюю связь и взаимодействие» [Бойко, 2005, с. 23]; «залогом удачного воспроизведения иноязычного текста является баланс между смысловым переводом и переводом, сохраняющим дух и атмосферу оригинала» [Трукова, 2015, с. 290]; «в лирическом произведении конструктивная роль доминирующего фактора художественных впечатлений принадлежит не объектной организации феноменов ментального зрения, как это имеет место в эпических жанрах, а субъектной организации феноменов ментального слуха» [Тюпа, 2009, с. 102].

Ниже приведен русский текст стихотворения П. Хузангая «Поэт» и его перевод на английский язык, выполненный С. Н. Васильевой.

Далее приводится анализ темы, композиции и выразительных средств стихотворения П. Хузангая «Поэт» в их сопоставлении с английским переводом.

В стихотворении затрагивается вечная философская проблема предназначения поэта и его творчества.

Поэт

И пока в пылу куешь
Нужные слова,
Сердце горном разожжешь
Ты не раз, не два.

Если хочешь, чтоб пленил
Стих сердца людей, –
Недостаточно чернил, –
Крови не жалей!

Ты не буквами листы
Испещряешь, нет:
Высекаешь искры ты,
Чтоб зажегся свет.

Так поэты всех веков
Создавали стих.
Это очень нелегко –
Вы спросите их.

A Poet

While you're struggling to find
Necessary rhymes,
You will burn with all your heart
Many, many times.

If you want your fiery words
To capture people's hearts,
Ink is surely not enough, –
Don't spare your soul, your blood!

Paper is your firesteel
Quill's your faithful flint,
And your job's to strike bright sparks
To burn the fire. But why?

Because poets of the world
Share with us their heart.
And believe me, mark my words –
It is very hard.

Стихотворение представляет собой скрытый диалог между автором и поэтом. Автор призывает поэта: *Если хочешь, чтоб пленил / Стих сердца людей, – / Недостаточно чернил, – / Крови не жалей!* Перевод передает эту мысль: *Ink is surely not enough, – / Don't spare your soul, your blood!*, а также подчеркивает особое предназначение поэта: *And your job's to strike bright sparks / To burn the fire* (у автора: *Высекаешь искры ты, / Чтоб зажегся свет.*) П. Хузангай характеризует поэта как создателя, труд которого очень тяжелый и советует обратиться к поэтам и убедиться в этом: *Это очень нелегко – / Вы спросите их.* Перевод передает эту мысль: *And believe me, mark my words – / It is very hard.* Хотя стихотворение и относится к ранней лирике П. Хузангай, он умело смог донести до читателя, что труд поэта сложен и тернист, сопоставив его с ремеслом кузнеца. Подобно кузнецу, который обрабатывает металл, поэт оттачивает свое мастерство, чтобы подобрать нужные слова и рифмы.

Необходимо отметить, что тема, затронутая П. Хузангаем, созвучна стихотворению А. Пушкина «Пророк», где автор призывает поэта-пророка: «Глаголом жги сердца людей». Это объясняется тем, что П. Хузангай переводил стихи А. Пушкина (например, перевёл роман «Евгений Онегин» и поэму «Полтава» на чувашский язык) и был, по всей вероятности, вдохновлен мастерством слова великого А. Пушкина.

Трехчастная композиция стихотворения «Поэт» (зачин – первая строфа; разработка темы, основная мысль – вторая и третья строфы; концовка, вывод – четвертая строфа) аналогично поддержана в переводе.

В произведении П. Хузангай стихотворный размер – трёхстопный хорей – находится в полной гармонии с темой стихотворения. Автор придерживается перекрёстной рифмовки на протяжении текста. Чередование мужских и женских окончаний даёт сочетание твёрдого и мягкого ритмического начала. Для стихотворения характерна повествовательная интонация. Выполняя художественный перевод, нам удалось сохранить и стихотворный размер, и перекрёстную рифмовку, и временную организацию повествования: как и в оригинале, в переводе используются глаголы в настоящем времени. Например: *И пока в пылу куешь / Нужные слова* (*While you're struggling to find / Necessary rhymes*); *Если хочешь, чтоб пленил / Стих сердца людей* (*If you want your fiery words / To capture people's hearts*).

Для того чтобы написанный текст или речь сделать яркой и запоминающейся, выразить оценки или эмоции, усилить зримость и наглядность описываемого предмета, используются определенные художественные приемы, называемые традиционно тропами и фигурами речи. К ним относятся: метафора, эпитет, олицетворение, гиперболы, сравнение, аллегория, перифраз и другие обороты речи, где слова или выражения употребляются в переносном значении, чтобы придать сказанному большую выразительность.

Рассмотрим имеющиеся в стихотворении «Поэт» метафорические обороты речи: *в пылу куешь нужные слова, сердце горном разожжешь.* В тексте выражает-

ся авторская оценка труда поэта. В английском переводе авторская эмоция передается так: *to capture people's hearts; share with us their hearts; you will burn with all your heart.* Метафора передает авторскую позицию по отношению к ценности и значимости искусства стихосложения и влияния его на человека. В английском переводе авторская нравственная позиция, заключенная в метафору, переведена следующим образом: *If you want your fiery words to capture people's hearts.*

Использование гиперболы позволяет резко усилить выразительность, придавать мыслям яркую эмоциональную окраску, оценочность: *Недостаточно чернил, – / Крови не жалей!* ‘*Ink is surely not enough, – / Don't spare your soul, your blood!*’ Следующий фрагмент перевода с использованием приема перифразы *...poets of the world / Share with us their heart* придает стихотворению возвышенное звучание, являющееся характерной особенностью оригинала.

Основным синтаксическим средством выразительности стихотворения «Поэт» является риторическое восклицание *Недостаточно чернил, – / Крови не жалей!* Его мы сохранили при переводе: *Ink is surely not enough, – / Don't spare your soul, your blood!* для передачи эмоциональности стихотворения, так как фигуры в форме восклицания или вопроса, содержащие утверждение и не требующие ответа, усиливают чувства и эмоциональный характер высказывания.

Риторический вопрос, содержащийся в переводе *But why? ‘Но почему?’*, отсутствует в русском переводе, но он логично и органично вписался в английский текст стихотворения. Мы использовали его для сохранения эстетического восприятия и своеобразия подлинника, его образной системы. Заключительная мысль стихотворения П. Хузангай: *Высекаешь искры ты, / Чтоб зажегся свет. // Так поэты всех веков / Создавали стих. / Это очень нелегко – / Вы спросите их* передана нами в вопросно-ответной форме диалога между автором и читателем: *And your job's to strike bright sparks / To burn the fire. But why? // Because poets of the world / Share with us their heart*, чтобы привлечь читателя к обдумыванию вопросов, поставленных в стихотворении, что, собственно, делает и сам П. Хузангай. Вопросно-ответная форма изложения появилась в процессе художественного перевода, в русском варианте стихотворения она отсутствует, но, на наш взгляд, явно подразумевается. Поэтому мы посчитали, что включение вопросно-ответной формы в художественный перевод не войдет в диссонанс с русским вариантом стихотворения.

Лаконизм, экспрессия и динамичность, присущие оригиналу, переданы нами через повелительное наклонение глаголов: *believe me; mark my words; don't spare.* При переводе мы использовали сравнительные обороты *Paper is your firesteel* (бумага – огниво) и *Quill's your faithful flint* (перо – кремль), которых нет в оригинале, как непротиворечащее образному строю произведения П. Хузангай.

Для усиления звуковой выразительности речи при переводе стихотворения мы использовали аллитерацию – повтор согласных парных глухих звуков *sh – zh*,

t – d, ассонанс – ударные *a, o, u*. Комбинации из одних и тех же звуков в разных словах используются для достижения речевой образности.

Цветопись стихотворения «Поэт» отражает сравнение П. Хузангаем работы поэта с работой кузнеца, поэтому возникают образы ярких, как искры, красного и желтого цветов; кровь людских сердец, зажечь огонь в умах, сердцах – красный, алый. Выполняя художественный перевод, мы сохранили авторский образ красного и желтого цвета как образ энергии и жизненного пыла, используя для этого слова: *heart* ‘сердце’, *blood* ‘кровь’, *bright* ‘яркий’, *fire* ‘огонь’.

Выводы

Представленный нами художественный перевод на английский язык стихотворения П. Хузанга

«Поэт» отражает основную мысль, эмоции и настроение оригинального русского текста стихотворения. На наш взгляд, нам удалось достичь гармонии авторского текста и нашего художественного перевода в фонетике, ритмо-рифмической организации, тропах, синтаксисе. Практическая значимость работы связана с введением в учебные планы школ предметов «Родной язык» и «Родная литература», в программе которых творчеству П. Хузанга уделяется особое внимание. Стихотворение П. Хузанга «Поэт» в переводе на английский язык может использоваться учителем при реализации метапредметного подхода к разработке содержания уроков как родного, так и английского языков.

Список литературы

1. Афанасьева И. В. П. П. Хузангай – народный поэт, общественный деятель, педагог // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 1. С. 284–294.
2. Ахматова Ю. С., Григорьева А. С. Проблемы перевода русского поэтического текста на английский язык // Огарёв-Online. 2021. № 9. С. 1–5.
3. Бойко Л. Б., Боярская Е. Л. Лексико-грамматические трудности перевода с английского языка на русский. Калининград : Издательство Российского государственного университета им. И. Канта, 2005. 62 с.
4. Иванов В. В. Лингвистические вопросы стихотворного перевода // Труды Института точной механики и вычислительной техники. Москва : Издательство АН СССР, 1961. Выпуск 2. С. 369–395.
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. Москва: Флинта ; Наука, 2003. 320 с.
6. Софронова И. В. Поэтические особенности четверостиший в литературе народов Поволжья // Rhema. Rема. 2018. №3. С. 39–48.
7. Трукова А. И. Поэтический дискурс и перевод // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 290–294.
8. Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. 3-е издание, стереотипное. Москва : Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.
9. Хузангай П. П. Были мы, и есть, и будем! : стихи. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1982. 397 с.
10. Хузангай Петр Петрович : научно-вспомогательный библиографический указатель / Национальная библиотека Чувашской Республики. Чебоксары, 2007. 260 с.

References

1. Afanasieva I. V. (2009). P. P. Khuzangay – folk poet, public figure, teacher. *Siberian pedagogical Journal*, 1, 284–294.
2. Akhmatova Yu. S., & Grigoryeva A.S. (2021). Some issues of translation of Russian poetic text into English. *Ogarjov-online*, 9, 1–5.
3. Boiko, L. B., & Boiarskaia, E. L. (2005). *Leksiko-grammaticheskie trudnosti perevoda s angliiskogo iazyka na russkii*. Kaliningrad : Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta, 62.
4. Ivanov, V. V. (1961). *Lingvisticheskie voprosy stikhotvornogo perevoda*. *Trudy Instituta tochnoi mekhaniki i vychislitel'noi tekhniki*. Vypusk 2. S. 369–395. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
5. Neliubin, L. L. (2003). *Tolkovy perevodovedcheskii slovar'*. 3-e izdanie, pererabotannoe. Moskva: Flinta ; Nauka, 320.
6. Sofronova I. V. (2018). Poetic features of the quatrains in the literature of the peoples of the Volga Region. *Rhema. Rema*, 3, 39–48.
7. Trukova Alena. (2015). Poetic discourse and translation. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 4, 290–294.
8. Tyupa, V. I. (2009). *Analiz khudozhestvennogo teksta : uchebnoe posobie dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenii*. 3-e izdanie, stereotipnoe. Moskva : Izdatel'skii tsentr "Akademiia", 336.
9. Khuzangai, P. P. (1982). *Byli my, i est', i budem! : stikhi*. Cheboksary : Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 397.
10. (2007). *Khuzangai Petr Petrovich : nauchno-vspomogatel'nyi bibliograficheskii ukazatel'*, 260. Cheboksary.

Информация об авторах

Васильева Светлана Николаевна – учитель МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 49 с углубленным изучением отдельных предметов имени П.П. Хузангай», Чебоксары, Российская Федерация.
Гордеева Анна Вениаминовна – учитель МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 49 с углубленным изучением отдельных предметов имени П.П. Хузангай», Чебоксары, Российская Федерация.

Information about authors

Svetlana N. Vasilyeva – teacher, MBEI "Secondary school No. 49 with in-depth study of individual subjects named after P.P. Khuzangai", Cheboksary, Russian Federation.
Anna V. Gordeeva – teacher, MBEI "Secondary school No. 49 with in-depth study of individual subjects named after P.P. Khuzangai", Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 06.06.2022
Принята к публикации / Accepted 28.06.2022
Опубликована / Published 29.06.2022

Традиционные обряды народов ханты и манси в профессиональной подготовке будущих учителей изобразительного искусства

DOI 10.31483/r-101883

УДК 392



Полынская И. Н.

ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Нижневартовск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-4115-1692>, e-mail: julka-nv@mail.ru

Резюме: Статья посвящена проблемам профессиональной подготовки будущих учителей изобразительного искусства. *Цель* работы – рассмотреть роль и значение изучения студентами факультета искусств и дизайна традиционных культовых обрядов и праздников народов Крайнего Севера хантов и манси. *Материалом* для исследования послужили традиционные обряды народов ханты и манси. На основе *метода* теоретического анализа был выявлен педагогический потенциал традиционных обрядов народов ханты и манси и обоснованы педагогические условия процесса профессиональной подготовки студентов – будущих учителей изобразительного искусства. В статье подробно описываются традиции, связанные с охотой, рыбалкой; наиболее распространенные народные праздники, связанные с медведем, лосем, вороньим днем; национальные обряды – свадебный, похоронный, обряд рождения ребенка. Осмысление и понимание мира отражены в устном народном творчестве, преданиях, сказаниях, мифах, фольклоре. Будущему учителю изобразительного искусства необходимо знать традиционный уклад жизни коренных жителей Югры, чтобы в своей педагогической работе он мог передать художественно-творческий опыт школьникам. В *заключении* дана характеристика основных педагогических условий подготовки студентов – будущих учителей изобразительного искусства к профессиональной деятельности с учетом национальных традиций и этнокультурной специфики региона.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, изобразительное искусство, студенты, этнокультурные компетенции, народы ханты и манси, этнография, культовые обряды, обычаи, традиции, уклад жизни, верования, народный фольклор.

Для цитирования: Полынская И. Н. Традиционные обряды народов ханты и манси в профессиональной подготовке будущих учителей изобразительного искусства // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 44-48. DOI:10.31483/r-101883.

Review Article

Traditional Rites of the Khanty and Mansi Peoples in the Professional Training of Future Teachers of Visual Arts

Irina N. Polynskaya

 FSBEI of HE “Nizhnevartovsk State University”,
Nizhnevartovsk, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0003-4115-1692>, e-mail: julka-nv@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problems of professional training of future teachers of fine arts. The *purpose* of the work is to consider the role and significance of the study by students of the Faculty of Arts and Design of traditional religious rites and holidays of the peoples of the Far North, the Khanty and Mansi. The *material* for the study was the traditional rites of the peoples of the Khanty and Mansi. Based on the *method* of theoretical analysis, the pedagogical potential of the traditional rites of the Khanty and Mansi peoples was revealed and the pedagogical conditions for the process of professional training of students – future teachers of fine arts were substantiated. The article describes in detail the traditions associated with hunting, fishing; the most common folk holidays associated with the bear, elk, crow day; national rites – wedding, funeral, rite of birth of a child. Comprehension and understanding of the world are reflected in oral folk art, legends, legends, myths, folklore. The future teacher of fine arts needs to know the traditional way of life of the indigenous people of Ugra, so that in his pedagogical work he can convey artistic and creative experience to schoolchildren. In *conclusion*, a description of the main pedagogical conditions for preparing students – future teachers of fine arts for professional activities, taking into account national traditions and the ethno-cultural specifics of the region, is given.

Keywords: professional training, fine art, students, ethno-cultural competencies, Khanty and Mansi peoples, ethnography, religious rites, customs, traditions, way of life, beliefs, folklore.

For citation: Polynskaya I. N. (2022). Traditional Rites of the Khanty and Mansi Peoples in the Professional Training of Future Teachers of Visual Arts. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 44-48. (in Russ.). DOI:10.31483/r-101883.

Введение

На факультете искусств и дизайна Нижневартовского государственного университета студенты знакомятся с культурными особенностями различных народов, что открывает широкую дорогу для формирования этнокультурных компетенций будущих учителей изобразительного искусства. Изучению этнических традиций народов ханты и манси отводится одна из важнейших ролей в процессе формирования у обучающихся творческих способностей и креативного мышления; при-

общения их к красоте родного края, окружающей действительности, духовным ценностям. Прежде всего, будущий учитель изобразительного искусства посредством изучения различных видов народного творчества должен активизировать познавательную деятельность учащихся, вдохновлять их на углубленное самостоятельное изучение народного искусства, развивать эстетическое мировоззрение и художественный вкус.

Народное творчество – это язык культуры, который важно сохранять и передавать подрастающему поко-

лению. На основе изучения традиционных обрядов народов хаты и манси можно проиллюстрировать различные аспекты бытовой повседневной жизни народов, их культурные ценности, взаимодействие внутри общества. Все это имеет отражение непосредственно в художественно-творческих и сюжетно-тематических композициях студентов. Через изобразительное искусство, через живописные и графические работы студенты могут донести младшему поколению историю, традиции, обряды, декоративно-прикладное искусство народов Крайнего Севера – хантов и манси. Для того, чтобы студенты смогли передавать в своих работах национальный колорит, необходимо изучать традиции, обычаи, обряды этих народов.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили традиционные обряды народов ханты и манси. На основе метода теоретического анализа был выявлен педагогический потенциал традиционных обрядов народов ханты и манси и обоснованы педагогические условия процесса подготовки студентов – будущих учителей изобразительного искусства к профессиональной деятельности с учетом национальных традиций и этнокультурной специфики региона.

Результаты и их обсуждение

Своей яркой историей и необычной культурой ханты и манси привлекали ученых, исследователей, этнографов с давних времен и позднее нашли отражение в специальных исследованиях Г. И. Новицкого [Новицкий, 2017], финнов А. М. Кастерна, А. Алквиста [Алквист, 1999], У. Т. Сирелиуса [Sirelius, 1983] и К. Ф. Карьялайнена [Karjalainen, 1948], венгра А. Регули [Wurzbach, 1856], В. Н. Чернецова, Т. Вахтера [Vahter, 1953], С. И. Иванова, З. П. Соколовой и др.

«В промысловой деятельности определились форма и содержание уровня культуры и религиозных воззрений» [Алквист, 1999, с. 94]. Большинство обрядов связаны с промыслами, и призваны служить двум основным целям: обеспечению добычей в данное время и устранению возможной опасности, исходящей от зверя после его добычи.

По преданию хантов и манси, наиболее надежным способом, обеспечивающих удачу в охоте, является хранение определенных частей животных и их костей. Хранят кости соболя, выдры, лисицы, медведя. От зайца, белки и соболя обрезают лапки, чтобы они впредь плохо бегали. Останки птиц и рыб не хранили. «Нарушив эти традиции, ханты и манси считали, что в дальнейшем охота не удастся, а убитые животные могут превратиться в живых» [Соколова, 1993, с. 72]. Воззрения о таком преобразовании в полной мере сохранились в отношении к медведю. Поскольку у хантов и манси очень сильно развит культ медведя, большинство обрядов связаны с медвежьим праздником. Медведю приписывают различные сверхъестественные свойства: он возрождается после смерти, понимает речь людей, может узнать любого своего «родственника» – человека. Во время охоты на медведя охотники

надевали на лицо маску, убитому животному завязывали глаза, чтобы дух медведя не мог узнать охотника и смог избежать мщения со стороны убитого медведя. При подъезде к поселку медведю надевали на голову шапку, а самке – платок. Обязательно делали в зависимости от пола медведя четыре или пять выстрелов. В наши дни медвежий праздник утратил свою религиозную основу и превратился в развлекательное представление, приобрел новый смысл – чествование смелости и ловкости охотника.

Мясо медведя во время праздника ели палочками, чтобы не касаться его руками, кости и череп хранили. После происходил обряд очищения снегом или водой. Шкуру клали на почетное место, и все гости приносили подарки медведю: ленточки, монетки, платки. Праздник в честь убитого медведя сопровождался плясками, песнями, инсценировками, театральными действиями, всеобщим весельем и гуляньем, и продолжался четыре или пять дней, соответственно полу убитого зверя. До наших дней сохранилось тотемное изображение медведя в узорах и орнаментах на культовых вещах шаманов. Вообще, орнаментальное изображение имеет свою семантику. «В искусстве орнамента сохраняются собственные традиции и закономерности построения, четкость, графичность, содержание и мотивы композиций» [Полынская, 2020, с. 163]. «Праздник медведя, как и другие, вносил разнообразие в трудную повседневную жизнь, снимал психическое напряжение. Комически-критические сцены играли развлекательную и воспитательную роль. По современным понятиям, это фольклорный праздник» [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1992, с. 102].

Лось рассматривался как символ благополучия и богатства у хантов и манси, поэтому ежегодно проводили лосиный праздник. Этот праздник проводился в начале лета. Мужское население поселка на лодках переправлялось на другой берег озера или реки, собак на этот праздник не брали. На берегу устанавливали огромный котел, в котором варили лосиное мясо. Готовое мясо шаман разбрасывал небольшими кусочками на семь сторон и расплескивал бульон. Такой ритуал означал угощение духов. Затем все присутствующие поедали мясо. Мясо лося нельзя было солить, брать металлическими вилками, резать ножом. Нарушение этих обрядов влекло за собой неудачный промысел в дальнейшем. Оставшееся мясо увозили в поселок детям и женщинам.

Праздник, посвященный прилету первых вестников весны – воронам, отмечался плясками, песнями, всеобщим гулянием и веселием. Помимо праздников, у хантов и манси существует большое количество разнообразных обрядов. Самые распространенные – это похоронный, свадебный обряды, и обряд рождения ребенка.

«По религиозным воззрениям у хантов и манси считалось, что в каждом человеке было несколько душ» [Мировоззрение..., 1990, с. 132]. После смерти человека родственники делали маленькую куклу из шкур, ткани, дерева, подобие умершего, где будто бы жила одна из душ покойного. Куклу хранили в доме умершего четыре-пять дней, ожидая переселения в како-

го-либо новорожденного. Другая душа переселялась в загробный мир, который, видимо, ничем не отличается от земного. Этой душе так же, как и при жизни, нужен дом, вещи, одежда. В гроб с покойником клали пищу, табак, трубку, поскольку ханты и манси считали, что умерших отправляют для дальнейшей жизни в другой мир. Над могильным холмом ставили палку, а позднее – крест. На могиле оставляли одежду, лук, стрелы, бытовую утварь, детям – игрушки. После похорон люди покидали кладбище, каждый должен был положить позади себя поперек следа прутик, являющийся преградой для души умершего, который мог пойти за родственником и забрать с собой. На поминках собирались родственники у могил умерших, разжигали костер. У хантов и манси младший брат в случае смерти старшего должен был жениться на его вдове, даже если сам был женат. Благодаря такому обычаю вдова с детьми не оставалась без кормильца, имущество покойного оставалось в семье. Такой обычай по тем временам был естественным и гуманным. Сейчас такого обычая в семьях хантов и манси не наблюдается.

В свадебном обряде интересен процесс сватовства. Родители жениха отправляли сына или сами ехали в поселение, где присмотрели будущую невесту и дарили ей платок. Если родители невесты оставляли платок у себя, тем самым они давали понять, что не возражают против свадьбы. Родители или жених везли с собой вино и разные подарки. В процессе сватовства родители жениха и невесты договаривались о калыме и свадебной церемонии. Как правило, калым деньгами, оленями, тканями и пр., платили родители жениха за невесту. Если нечем платить калым, девушку похищали.

Сватовство длилось довольно долго, иногда несколько дней и недель. В процессе сватовства невеста участия не принимала, она пряталась и могла уйти в другое жилище, что бы ее не видели жених, сваты и родители жениха. После договоренности о выкупе жених направлялся в дом невесты. Невеста наряжалась в платье, сшитое для такого случая, и ожидала жениха в свадебном пологе. В этом пологе их, стоящих спиной друг к другу, накрывали нарядным платком, а другим махали над головами новобрачных, как бы соединяя их. Потом жених и невеста пили чай из одного блюдца. Невеста закрывала лицо платком, чтобы присутствующие не могли ее видеть. Свадебное пиршество длилось два дня. После свадьбы невесту с приданным увозили на оленьих упряжках в селение жениха. С момента, когда невеста переступила порог жилища жениха, брак считался заключенным, и молодые назывались мужем и женой.

Обряд рождения ребенка у хантов и манси, самый приятный и волнительный. Но роды внушали им страх. В период родов мужчины уходили в длительную охоту или вместе с детьми удалялись в другое жилище. Роженица надевала старую одежду и помещалась у входа. Когда в семье появлялся на свет новорожденный, его ждали сразу четыре мамы. Первая мама – которая родила, вторая – принявшая роды, третья – та, что первой подняла ребенка на руки, и четвертая – крестная мама. У хантов и манси считается, что в новорожденного вселяется душа кого-либо из умерших родствен-

ников. Чтобы определить, чья именно душа вселилась, проводили обряд гадания. Поочередно называли имена умерших родственников и одновременно поднимали колыбель с ребенком. На каком-либо имени колыбель как бы «прилипла», ее не могли поднять, это и означало, что к ребенку «прилипла» душа названного человека, чье имя и получал ребенок. Новорожденного помещали в берестяную колыбель, изготовленную отцом или другим мужчиной. В изголовье колыбели изображалась глухарка – хранительница сна ребенка и оберегом. В колыбели ребенок проводил большую часть времени до двух-трех лет. Колыбель с ребенком для игр и ласк брали на руки. Мать кормила детей грудью до 6–7 лет. Вместо соски малышам давали лапку белки или сухожилие оленя. Специальной пищи для детей не готовили, по мере роста они ели вместе со взрослыми.

Осмысление и понимание мира отражены в устном народном творчестве хантов и манси. Фольклор народов необыкновенно поэтичен, наполнен лирикой и очень разнообразен по жанрам. В мифических сказаниях отражены представления хантов и манси о небесных светилах, происхождении земли, людях и животных. Сказки в основном про животных, которые наделены человеческими качествами. «Сказки народов Севера, в частности, хантов и манси посвящены самым различным событиям. В их отражены жизнь народа со всеми ее радостями и горестями, мудростью и оплошностями, обряды, традиции, обычаи, показано умение жить в согласии и гармонии с природой» [Польнская, 2018, с. 279]. «Традиции сказочного жанра прочно вошли в творчество хантыйских поэтов и прозаиков и представляют собой художественную обработку народных сюжетов, их поэтическое переложение, реже – образцы собственного сочинения. В хантыйской литературе к традициям сказочного жанра обращались Г. Д. Лазорев, В. С. Волдин, М. И. Шульгин, М. К. Вагатова, Р. П. Ругин и Е. Д. Айпин» [Пушкарева, 2017, с. 335]. Загадки и пословицы относятся к устному народному творчеству. Загадки и пословицы тесно связаны с природой, животными, бытом людей.

Народный эпос излагается драматизированным пением и музыкой, преподносится чрезвычайно живо, образно, эмоционально на разные голоса с мимикой и выразительными жестами. К таким театрализованным действиям относятся пляски на медвежьем празднике, некоторые моменты свадебного, похоронного и других обрядов. По глубине драматизма заслуживают действия и ритуальные пляски шамана. Эпические произведения исполнялись обычно сопровождением игрой на струнном музыкальном инструменте. Эмоциональное воздействие музыки у хантов и манси очень велико и занимает большое место в жизни народа. Ханты извлекают музыкальные звуки на губном музыкальном инструменте, сделанной из костяной пластины – варгане. Струнный музыкальный инструмент используется при исполнении эпических произведений и в магических сеансах шамана. В качестве музыкальных инструментов шаманы используют бубны. Их делали большими по размеру, обтягивали шкурами лося или собаки, внутри на обтяжке крепили 7 колокольчиков разных по размеру.

В массовом творчестве ханты и манси проявляют себя в играх и состязаниях, связанных с познавательным значением и способов воспитания молодого поколения, развитием необходимых умений и навыков в рыболовном и охотничьем промысле.

Выводы

Обращая особое внимание на формирование этнокультурных компетенций студентов факультета искусств и дизайна, следует отметить, что изучаемые этнические традиции хантов и манси, предстают перед нами как социокультурный компонент, механизм социокультурного отражения, сохраняющий и передающий опыт прошлых поколений. Отличительной особенностью современного этапа развития образовательных систем является учет в этнохудожественном образовании национальных традиций и этнокультурной специфики региона.

Приобщение студентов к национальному культурному наследию народов ханты и манси возможно лишь при условии правильно организованного педагогического воздействия на основе учета психолого-педагогических принципов, форм и методов учебной деятельности. «В подобных условиях изобразительное искусство становится средством обогащения духовно-нравственного мира учеников» [Полынская, 2021, с. 218]. Поэтому очень важно изучать народные традиции, которые являются к тому же важным воспитательным условием формирования патриотических чувств и любви к своей Родине, что всегда актуально для учителей.

Таким образом, достижение целей формирования этнокультурных компетенций будущих учителей изобразительного искусства обеспечивается реализацией следующих педагогических условий:

- подготовка студентов в русле современных концепций и основных тенденций развития художественного образования на принципах включения обучающихся в родную этнокультурную среду;
- дополнение и систематизация знаний студентов в области методики преподавания изобразительного искусства в образовательных учреждениях этнохудожественной направленности;
- дополнение и систематизация знаний студентов в области истории, культуры и традиций народов, населяющих Ханты-Мансийский автономный округ – Югру, и организацию педагогической практики в образовательных учреждениях с учетом этнокультурной специфики региона;
- развитие творческого потенциала и профессиональных качеств преподавателя изобразительного искусства;
- подготовка магистров к реализации содержания художественно-эстетического воспитания школьников с учетом национальных традиций и в условиях конкретного региона;
- организация опытно-экспериментальной деятельности студентов по совершенствованию структуры и содержания художественно-эстетического воспитания школьников с учетом этнокультурной специфики региона.

Список литературы

1. Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записки и этнографические заметки / пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной; Науч.-исслед. ин-т возрождения обско-угорских народов. Томск : Изд-во Томского университета, 1999. 178 с.
2. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск : Наука, 1992. 134 с.
3. Мировоззрение финно-угорских народов : сб. науч. тр. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1990. 217 с.
4. Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное в 1715 году [Текст] / предисл. Л. Н. Майкова. Изд. 2-е, стер. Москва : URSS, сор., 2017. 116, [1] с.
5. Полынская И. Н., Швец П. М. Методика обучения цвето-тоновым отношениям на уроках изобразительного искусства в 5–6 классах // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 4. С. 218–224.
6. Полынская И. Н. Обучение младших школьников на уроках изобразительного искусства основам орнамента // Наука и просвещение: технологии и инновации : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 27 июля 2020 года) / НОЧУ ДПО «Экспертно-методический центр». Чебоксары: НОЧУ ДПО «Экспертно-методический центр», 2020. С. 160–165.
7. Полынская И. Н. Формирование композиционных умений у младших школьников на уроках изобразительного искусства при иллюстрировании сказок народов Крайнего Севера // European social science journal. 2018. № 11. С. 278–285.
8. Пушкарева А. Н. Методика преподавания изобразительного искусства при иллюстрировании хантыйских сказок младшими школьниками // XIX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета : сборник статей (Нижневартковск, 4–5 апреля 2017 года). Нижневартковск: Нижневартковский государственный университет, 2017. С. 335–337.
9. Соколова З. П. Легенды Вут-Ими: Путешествие по Оби и ее притокам к ханты и манси. Сургут : Северный дом, 1993. 76 с.
10. Karjalainen K. F., Toivonen Y. H. Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948. Bd. I–II.
11. Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken / Übers. u. hrsg. von Ingrid Schellbach. – Helsinki, 1983. – 350 с.
12. Vahter T. Ornamentik der Ob-Ugrier. Societe Finno-Ougrienne. Travaux Ethnographiques, IX, 1953, 216 S.
13. Wurzbach Constant von Reguly, Anton. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich: enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche seit 1750 in den österreichischen Kronländern geboren wurden oder darin gelebt und gewirkt haben. Wien: 1856. Vol. 25. S. 135.

References

1. Alkvist, A. (1999). Sredi khantov i mansi: Putevye zapiski i etnograficheskie zametki, 178. Lukinoi; Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.
2. Kulemzin, V. M. & Lukina, N. V. (1992). Znakom'tes': khanty, 134. Novosibirsk : Nauka.
3. Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov. (1990). 217. Novosibirsk: Nauka; Novosibirsk: Sib. otd-nie.
4. Novitskii, G. I. (2017). Kratkoe opisanie o narode ostiatskom, sochinennoe v 1715 godu. [Text] / predisl. L. N. Maikova. Ed. 2nd, ster., 116, [1] p. Moscow: URSS, cop.
5. Polynskaya, I. N. & Shvets P. M. (2021). Methods of teaching color-tone relations in fine arts in classes 5–6. *Modern high technologies*, 4, 218-224.
6. Polynskaia, I. N. (2020). Obuchenie mladshikh shkol'nikov na urokakh izobrazitel'nogo iskusstva osnovam ornamenta. *Nauka i prosveshchenie: tekhnologii i innovatsii*, 160–165. Cheboksary: NOChU DPO "Ekspertno-metodicheskii tsentr".
7. Polinsky, I. N. (2018). Formation of composite abilities in younger schoolchildren on the lessons of fine art, with illustrations of the fairy tales of the peoples of the Far North. *European social science journal*, 11, 278–285.
8. Pushkareva, A. N. (2017). Metodika prepodavaniia izobrazitel'nogo iskusstva pri illiustrirovanii khantyiskikh skazok mladshimi shkol'nikami. *XIX Vserossiiskaia studencheskaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 335–337. Nizhneartovsk: Nizhneartovskii gosudarstvennyi universitet.
9. Sokolova, Z. P. (1993). Legendy Vut-Imi: Puteshestvie po Obi i ee pritokam k khanty i mansi, 76. Surgut : Severnyi dom.
10. Karjalainen, K. F. & Toivonen, Y. H. (1948). Ostjakisches Worterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. Bd. I–II.
11. Sirelius, U. T. & Ubers, U. T. (1983). Reise zu den Ostjaken, 350. Sirelius; Helsinki.
12. Vahter, T. (1953). Ornamentik der Ob-Ugrier. Societe Finno-Ougrienne, 216. Travaux Ethnographiques, IX.
13. Wurzbach Constant von Reguly, Anton. (1856). Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich: enthaltend die Lebensskizzen der denkwurdiven Personen, welche seit 1750 in den osterreichischen Kronlandern geboren wurden oder darin gelebt und gewirkt haben. 135. Wien. Vol. 25.

Информация об авторе

Полынская Ирина Николаевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры изобразительного искусства ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Нижневартовск, Российская Федерация.

Information about the author

Irina N. Polynskaya – doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the Department of Fine Arts, FSBEI of HE «Nizhneartovsk State University», Nizhneartovsk, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 09.04.2022

Принята к публикации / Accepted 14.06.2022

Опубликована / Published 20.06.2022